АЗБУКА ВЕРЫ

Шекспир Уильям

Юлий Цезарь

Художественная литература · azbyka.ru

Юлий Цезарь – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/yulij-czezar

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Юлий Цезарь

Шекспир Уильям

Перевод Мих. Зенкевича

Действующие лица

Юлий Цезарь.

Октавий Цезарь, ***Марк Антоний***, ***Марк Эмилий Лепид*** — триумвиры после смерти Цезаря.

Цицерон, ***Публий***, ***Попилий Лена*** — сенаторы.

Марк Брут, ***Кассий***, ***Каска***, ***Требоний***, ***Лигарий***, ***Деций Брут***, ***Метелл Цимбр*** — заговорщики против Юлия Цезаря.

Флавий, ***Марулл*** — трибуны.

Артемидор Книдский, учитель риторики.

Прорицатель.

Цинна, поэт.

Другой поэт.

Луцилий, ***Титиний***, ***Мессала***, ***Юный Катон***, ***Волумний*** — друзья Брута и Кассия.

Варрон, ***Клит***, ***Клавдий***, ***Стратон***, ***Луций***, ***Дарданий*** — слуги Брута.

Пиндар, слуга Кассия.

Кальпурния, жена Цезаря.

Порция, жена Брута.

Сенаторы, граждане, стража, служители и пр.[1]

Место действия — Рим; окрестность Сард[2]; окрестность Филипп.

Акт I

Сцена 1

Рим. Улица.

Входят ***Флавий***, ***Марулл*** *и* ***толпа граждан***.

Флавий
Прочь! Расходитесь по домам, лентяи.

Иль нынче праздник? Иль вам неизвестно,

Что, как ремесленникам, вам нельзя

В дни будничные выходить без знаков

Своих ремесл? — Скажи, ты кто такой?

Первый гражданин
Я, сударь, плотник.

Марулл
Где ж комканый передник и отвес?

Зачем одет ты в праздничное платье? —

Ты, сударь, кто такой?

Второй гражданин
По правде говоря, сударь, перед хорошим ремесленником я, с вашего позволения, только починщик.

Марулл
Какое ремесло? Ответь мне толком.

Второй гражданин
Ремесло, сударь, такое, что я надеюсь заниматься им с чистой совестью; ведь я, сударь, залатываю чужие грехи.

Марулл
Какое ремесло? Эй ты, бездельник.

Второй гражданин
Прошу вас, сударь, не расходитесь: ежели у вас что-нибудь разойдется, я вам залатаю.

Марулл
Что мелешь ты? Меня латать ты хочешь, грубиян!

Второй гражданин
Да, сударь, залатаю вам подошвы.

Флавий
Так, значит, ты сапожник?

Второй гражданин
Воистину, сударь, я живу только шилом: я вмешиваюсь в чужие дела — и мужские, и женские — только шилом. Я, сударь, настоящий лекарь старой обуви; когда она в смертельной опасности, я ее излечиваю. Все настоящие люди, когда-либо ступавшие на воловьей коже, ходят только благодаря моему ремеслу.

Флавий
Что ж не работаешь сегодня дома?

Зачем людей по улицам ты водишь?

Второй гражданин
Затем, сударь, чтобы они поизносили свою обувь, а я получил бы побольше работы. В самом деле, сударь, мы устроили сегодня праздник, чтобы посмотреть на Цезаря и порадоваться его триумфу!

Марулл
Порадоваться? А каким победам?

Каких заложников привел он в Рим,

Чтоб свой триумф их шествием украсить?

Вы камни, вы бесчувственней, чем камни!

О римляне, жестокие сердца.

Забыли вы Помпея? Сколько раз

Взбирались вы на стены и бойницы,

На башни, окна, дымовые трубы

С детьми в руках и терпеливо ждали

По целым дням, чтоб видеть, как проедет

По римским улицам Помпей великий.

Вдали его завидев колесницу,

Не вы ли поднимали вопль такой,

Что содрогался даже Тибр, услышав,

Как эхо повторяло ваши крики

В его пещерных берегах?

И вот вы платье лучшее надели?

И вот себе устроили вы праздник?

И вот готовитесь устлать цветами

Путь триумфатора в крови Помпея?

Уйдите!

В своих домах падите на колени,

Моля богов предотвратить чуму,

Что, словно меч, разит неблагодарных!

Флавий

Ступайте, граждане, и соберите

Всех неимущих и для искупленья

Ведите к Тибру их, и лейте слезы,

Пока теченье низкое, поднявшись,

Не поцелует берегов высоких.

Все граждане *уходят.*

Смотри, смягчились даже грубияны;

Они ушли в молчанье виноватом. —

Иди дорогой этой в Капитолий;

Я здесь пойду; и если где увидишь,

Снимай все украшения со статуй.

Марулл
Но можно ль делать это?

У нас сегодня праздник Луперкалий.[3]

Флавий
Что ж из того! Пусть Цезаря трофеи

На статуях не виснут. Я ж пойду,

Чтоб с улиц разгонять простой народ;

И ты так делай, увидав скопленье.

Из крыльев Цезаря пощиплем перья,

Чтоб не взлетел он выше всех других;

А иначе он воспарит высоко

И в страхе рабском будет нас держать.

Уходят.

Сцена 2

Площадь.

Трубы. Входят ***Цезарь***, ***Антоний***, *который должен участвовать в беге;* ***Кальпурния***, ***Порция***, ***Деций***, ***Цицерон***, ***Брут***, ***Кассий*** *и* ***Каска****; за ними большая* ***толпа****, и среди нее* ***прорицатель****.*

Цезарь

Кальпурния!

Каска
Молчанье! Цезарь говорит.

Музыка смолкает.

Цезарь
Кальпурния!

Кальпурния
Мой господин!

Цезарь
Когда начнет Антоний бег священный,

Встань прямо на пути его. — Антоний!

Антоний
Великий Цезарь?

Цезарь
Не позабудь коснуться в быстром беге

Кальпурнии; ведь старцы говорят,

Что от священного прикосновенья

Бесплодие проходит.

Антоний
Не забуду.

Исполню все, что Цезарь повелит.

Цезарь
Ступайте и свершите все обряды.

Музыка.

Прорицатель
Цезарь!

Цезарь
Кто звал меня?

Каска
Эй, тише! Замолчите, музыканты!

Музыка смолкает.

Цезарь
Кто из толпы сейчас ко мне взывал?

Пронзительнее музыки чей голос

Звал — «Цезарь!» Говори же: Цезарь внемлет.

Прорицатель
Остерегись ид мартовских.[4]

Цезарь
Кто он?

Брут
Пророчит он тебе об идах марта.

Цезарь
Пусть выйдет он. Хочу его я видеть.

Каска
Выдь из толпы, пред Цезарем предстань.

Цезарь
Что ты сказал сейчас мне? Повтори.

Прорицатель
Остерегись ид марта.

Цезарь
Он бредит. Что с ним говорить. Идемте.

Трубный сигнал. ***Все****, кроме* ***Брута*** *и* ***Кассия****, уходят.*

Кассий
Пойдешь ли ты на празднество смотреть?

Брут
Нет.

Кассий
Прошу, иди.

Брут
Я не любитель игр, и нет во мне

Той живости, как у Антония.

Но не хочу мешать твоим желаньям

И ухожу.

Кассий
Брут, с некоторых пор я замечаю,

Что нет в твоих глазах той доброты

И той любви, в которых я нуждаюсь.

В узде суровой, как чужого, держишь

Ты друга, что тебя так любит.

Брут
Кассий,

Ошибся ты. Коль взор мой омрачен,

То видимую скорбь я обращаю

Лишь к самому себе. Я раздираем

С недавних пор разладом разных чувств

И мыслей, относящихся к себе.

От них угрюмей я и в обращенье;

Пусть не печалятся мои друзья —

В число их, Кассий, входишь также ты, —

К ним невниманье вызвано лишь тем,

Что бедный Брут в войне с самим собой

Забыл выказывать любовь к другим.

Кассий
Так, значит, я твоих не понял чувств;

Поэтому в груди я затаил

Немало дум, внимания достойных.

Свое лицо ты можешь, Брут, увидеть?

Брут
Нет, Кассий; ведь себя мы можем видеть

Лишь в отражении, в других предметах.

Кассий
То правда.

И сожаления достойно, Брут,

Что не имеешь ты зеркал, в которых

Ты мог бы доблесть скрытую свою

И тень свою увидеть. Ведь я слышал,

Что многие из самых лучших римлян

(Не Цезарь славный), говоря о Бруте,

Вздыхая под ярмом порабощенья,

Желали бы, чтоб Брут открыл глаза.

Брут
В опасности меня ты вовлекаешь.

Ты хочешь, чтобы я искал в себе

То, чего нет во мне.

Кассий
Поэтому, Брут, выслушай меня:

И так как ты себя увидеть можешь

Лишь в отраженье, то я, как стекло,

Смиренно покажу тебе твой лик,

Какого ты пока еще не знаешь.

Во мне не сомневайся, милый Брут:

Я не болтун и не унижу дружбы,

Случайному знакомству расточая

Слова любви; вот если б ты узнал,

Что льщу я людям, обнимаю их,

А после поношу; что на пирах

Всем пьяницам я открываю тайны,

Тогда ты мог бы мне не доверять.

Трубы и крики.

Брут
Что там за крик? Боюсь я, что народ

Избрал его в цари.

Кассий
А, ты боишься?

Так, значит, этого ты не желаешь.

Брут
Нет, Кассий, хоть его я и люблю.

Но для чего меня ты держишь здесь?

И что такое сообщить мне хочешь?

Коль это благу общему полезно,

Поставь передо мной и честь и смерть,

И на обеих я взгляну спокойно.[5]

Богам известен выбор мой: так сильно

Я честь люблю, что смерть мне не страшна.

Кассий
В тебе я эту доблесть знаю, Брут,

Она знакома мне, как облик твой,

И я о чести буду говорить.

Не знаю я, как ты и как другие

Об этой жизни думают, но я

И не могу, и не желаю жить

Склоняясь в страхе перед мне подобным.

Родились мы свободными, как Цезарь;

И вскормлены, как он; и оба можем,

Как он, переносить зимою стужу.

Однажды в бурный и ненастный день,

Когда Тибр гневно бился в берегах,

Сказал мне Цезарь: "Можешь ли ты, Кассий,

За мною броситься в поток ревущий

И переплыть туда?" Услышав это,

Я в воду бросился, как был, в одежде,

Зовя его, и он поплыл за мной.

Поток ревел, но, напрягая мышцы,

Его мы рассекали, разбивая,

И, с ним борясь, упорно плыли к цели.

Но не доплыли мы еще, как Цезарь

Мне крикнул: «Кассий, помоги, тону».

Как славный предок наш Эней из Трои

Анхиза вынес на своих плечах,[6]

Так вынес я из волн ревущих Тибра

Измученного Цезаря; и вот

Теперь он бог, а с ним в сравненье Кассий

Ничтожество, и должен он склоняться,

Когда ему кивнет небрежно Цезарь.

В Испании болел он лихорадкой.

Когда был приступ у него, я видел,

Как он дрожал. Да, этот бог дрожал.

С трусливых губ его сбежала краска,

И взор, что держит в страхе целый мир,

Утратил блеск. Я слышал, как стонал он.

Да, тот, чьи речи римляне должны

Записывать потомкам в назиданье,

Увы, кричал, как девочка больная:

«Подай мне пить, Титиний!» — Как же может,

О боги, человек настолько слабый

Величественным миром управлять

И пальму первенства нести?

Крики. Трубы.

Брут
Опять они кричат!

Я думаю, то знаки одобренья,

И почестями вновь осыпан Цезарь.

Кассий
Он, человек, шагнул над тесным миром,

Возвысясь, как Колосс;[7] а мы, людишки,

Снуем у ног его и смотрим — где бы

Найти себе бесславную могилу.

Порой своей судьбою люди правят.

Не звезды, милый Брут, а сами мы

Виновны в том, что сделались рабами.

Брут и Цезарь! Чем Цезарь отличается от Брута?

Чем это имя громче твоего?

Их рядом напиши, — твое не хуже.

Произнеси их, — оба так же звучны.

И вес их одинаков, и в заклятье

«Брут» так же духа вызовет, как «Цезарь».

Клянусь я именами всех богов,

Какою пищей вскормлен Цезарь наш,

Что вырос так высоко? Жалкий век!

Рим, ты утратил благородство крови.

В какой же век с великого потопа[8]

Ты славился одним лишь человеком?

Кто слышал, чтоб в обширных стенах Рима

Один лишь признан был достойным мужем?

И это прежний Рим необозримый,

Когда в нем место лишь для одного!

Мы от своих отцов не раз слыхали,

Что Брут — не ты, а славный предок твой[9] —

Сумел бы от тирана Рим спасти,

Будь тот тиран сам дьявол.

Брут
Уверен я в твоей любви и знаю,

К чему ты хочешь побудить меня.

Что думаю о нынешних делах,

Я расскажу тебе потом: сейчас же,

Во имя нашей дружбы, я прошу,

Не растравляй меня. Все, что еще добавишь,

Я выслушаю. Мы отыщем время,

Чтобы продолжить этот разговор.

А до тех пор, отважный друг, запомни:

Брут предпочтет быть жителем деревни,

Чем выдавать себя за сына Рима

Под тем ярмом, которое на нас

Накладывает время.

Кассий
Я рад, что слабые мои слова

Такую искру высекли из Брута.

Брут
Окончен бег, и Цезарь к нам идет.

*Входит **Цезарь** и его **свита**.*

Кассий
Когда пойдут, тронь Каску за рукав,

И он с обычной едкостью расскажет,

Что важного произошло сегодня.

Брут
Так сделаю, но, Кассий, посмотри —

У Цезаря на лбу пылает гнев,

Все, как побитые, за ним идут;

Кальпурния бледна; у Цицерона

Глаза, как у хорька, налиты кровью.

Таким он в Капитолии бывает,

Когда сенаторы с ним несогласны.

Кассий
Нам Каска объяснит, что там случилось.

Цезарь
Антоний!

Антоний
Цезарь?

Цезарь
Хочу я видеть в свите только тучных,

Прилизанных и крепко спящих ночью.

А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.

Он много думает, такой опасен.

Антоний
Не бойся, Цезарь; не опасен он;

Он благороден и благонамерен.

Цезарь
Он слишком тощ! Его я не боюсь:

Но если бы я страху был подвержен,

То никого бы так не избегал,

Как Кассия. Ведь он читает много

И любит наблюдать, насквозь он видит

Дела людские; он не любит игр

И музыки, не то что ты, Антоний.

Смеется редко, если ж и смеется,

То словно над самим собой с презреньем

За то, что не сумел сдержать улыбку.

Такие люди вечно недовольны,

Когда другой их в чем-то превосходит,

Поэтому они весьма опасны.

Я говорю, чего бояться надо,

Но сам я не боюсь: на то я Цезарь.

Стань справа, я на это ухо глух,

Откройся, что ты думаешь о нем.

Трубный сигнал. ***Цезарь*** *и его* ***свита****, кроме* ***Каски****, уходят.*

Каска
Ты дернул за рукав меня. В чем дело?

Брут
Да, Каска. Расскажи, что там случилось.

Чем Цезарь огорчен.

Каска
А разве не были вы с ним?

Брут
Тогда б не спрашивал о том, что было.

Каска
Ну, ему предложили корону, и когда ему поднесли ее, то он отклонил ее слегка рукой, вот так; и народ начал кричать.

Брут
А во второй раз почему кричали?

Каска
Из-за того же.

Кассий
А в третий? Ведь они кричали трижды?

Каска
Из-за того же.

Брут
Ему корону предлагали трижды?

Каска
Клянусь, что трижды, и он трижды отталкивал ее, с каждым разом все слабее, и, когда он отталкивал, мои достопочтенные соседи орали.

Кассий
Кто подносил корону?

Каска
Кто? Антоний.

Брут
Любезный Каска, расскажи подробней.

Каска
Пусть меня повесят, но я не смогу рассказать подробно: это было просто шутовство; я всего и не заметил. Я видел, как Марк Антоний поднес ему корону; собственно, это была даже и не

корона, а скорее коронка, и, как я вам сказал, он ее оттолкнул раз, но, как мне показалось, он бы с радостью ее ухватил. Затем Антоний поднес ее ему снова, и он снова оттолкнул ее, но, как мне показалось, он едва удержался, чтобы не вцепиться в нее всей пятерней. И Антоний поднес ее в третий раз, и он оттолкнул ее в третий раз, и каждый раз, как он отказывался, толпа орала, и неистово рукоплескала, и кидала вверх свои пропотевшие ночные колпаки, и от радости, что Цезарь отклонил корону, так заразила воздух своим зловонным дыханием, что сам Цезарь чуть не задохнулся; он лишился чувств и упал; что касается меня, то я не расхохотался только из боязни открыть рот и надышаться их вонью.

Кассий
Но отчего лишился Цезарь чувств?

Каска
Он упал посреди площади с пеной у рта, и язык у него отнялся.

Брут
Понятно, он страдает ведь падучей.

Кассий
Не Цезарь, нет, но ты, и я, и Каска,

Мы все падучей этою страдаем.

Каска
Не понимаю, на что ты намекаешь, но я сам видел, как Цезарь упал. Назови меня лжецом, если разный сброд не хлопал и не свистел ему, так же как актерам в театре, когда они нравятся или не нравятся.

Брут
Что он сказал потом, придя в себя?

Каска
Клянусь, перед тем как упасть, заметив, что чернь радуется его отказу от короны, он распахнул одежду и предложил им перерезать ему горло. Будь я человеком дела, я бы поймал его на слове, провалиться мне в преисподнюю как последнему негодяю. Да, он упал. А когда пришел в себя, то сказал, что если сделал или сказал что-нибудь неподходящее, то просит милостиво извинить это его болезнью. Три или четыре девки рядом со мной завопили: «О, добрая душа» — и простили его от всего сердца: но они не стоят внимания; если бы даже Цезарь заколол их матерей, они все равно вели бы себя так же.

Брут
И после этого ушел он мрачный?

Каска
Да.

Кассий
А Цицерон что-нибудь сказал?

Каска
Да, но только по-гречески.

Кассий

Что же он сказал?

Каска
Почем я знаю, пусть я ослепну, если я хоть что-нибудь понял; но те, которые понимали его, пересмеивались и покачивали головой, однако для меня это было греческой тарабарщиной. Могу сообщить вам еще новость: Марулл и Флавий за снятие шарфов со статуй Цезаря лишены права произносить речи. Прощайте. Там было еще много глупостей, да я всего не упомнил.

Кассий
Не придешь ли ты вечером ко мне на ужин?

Каска
Я зван в другое место.

Кассий
Так не зайдешь ли завтра на обед?

Каска
Да, если я буду жив, а ты не откажешься от приглашения и твой обед будет стоить того.

Кассий
Отлично. Я жду тебя.

Каска
Жди. Прощайте оба. *(Уходит.)*

Брут
Каким же простаком он стал теперь,

А в школе был таким живым и быстрым.

Кассий
Он и сейчас такой при исполненье

Отважных и достойных предприятий.

Поверь, его медлительность притворна,

А неотесанность — приправой служит

К остротам, чтобы с лучшим аппетитом

Их переваривали.

Брут
Да, это так. Теперь тебя оставлю.

А завтра, если хочешь, я приду

К тебе для разговора, или ты

Приди ко мне, я буду ждать тебя.

Кассий

Приду к тебе. А ты о Риме думай.

Брут *уходит.*

Брут, благороден ты; но все ж я вижу,

Что благородный твой металл податлив.

Поэтому-то дух высокий должен

Общаться лишь с подобными себе.

Кто тверд настолько, чтоб не соблазниться?

Меня не терпит Цезарь. Брута ж любит.

Когда б я Брутом был, а он был Кассий,

Ему б я не поддался.[10] Нынче ж ночью

Ему под окна я подброшу письма,

Как будто бы они от разных граждан;

В них напишу, что имя Брута чтится

Высоко в Риме, намекнув при этом

На властолюбье Цезаря туманно.

Покрепче, Цезарь, свой престол храни:

Встряхнем его, иль хуже будут дни.

(Уходит.)

Сцена 3

Улица. Гром и молния.

Входят с противоположных сторон ***Каска*** *с обнаженным мечом и* ***Цицерон****.*

Цицерон
Привет, о Каска. Цезаря домой

Ты проводил? Но чем ты так взволнован?

Каска
А ты спокоен, если вся земля

Заколебалась вдруг? О Цицерон,

Я видел, как от бури расщеплялись

Дубы ветвистые, как океан

Вздымался гордо, пенясь и бушуя,

До угрожающих туч достигая;

Но никогда до нынешнего дня

Я бури огненной такой не видел.

Иль там, на небесах, междоусобье,

Иль мир наш, слишком надерзив богам,

Побудил их на разрушенье.

Цицерон
Что ж более чудесного ты видел?

Каска
Какой-то раб — его в лицо ты знаешь —

Вверх поднял руку левую, и вдруг

Она, как двадцать факелов, зажглась,

Не тлея и не чувствуя огня.

Затем — мой меч еще в ножны не вложен —

У Капитолия я встретил льва.

Взглянув свирепо, мимо он прошел,

Меня не тронув; там же я столкнулся

С толпой напуганных и бледных женщин.

Они клялись, что видели, как люди

Все в пламени по улицам бродили.

Вчера ж ночная птица в полдень села

Над рыночною площадью, крича

И ухая. Все эти чудеса

Совпали так, что и сказать нельзя:

«Они естественны, они обычны».

Я думаю, что зло они вещают

Для той страны, в которой появились.

Цицерон

Да, наше время странно, необычно:

Но ведь по-своему толкуют люди

Явленья, смысла их не понимая.

Придет ли Цезарь в Капитолий завтра?

Каска
Да, и Антонию он поручил

Сказать тебе, что завтра он придет.

Цицерон
Прощай же, Каска; грозовое небо

Не для гуляний.

Каска
Цицерон, прощай.

Цицерон *уходит.*

Входит ***Кассий****.*

Кассий
Кто это?

Каска
Римлянин.

Кассий
То голос Каски.

Каска
Твой слух хорош. Ну, Кассий, что за ночь!

Кассий
Ночь добрая для доблестных людей.

Каска
Кто знал, что будет небо так грозить?

Кассий
Все знавшие, что мир несчастьем полон.

Я, например, по улицам бродил,

Предав себя зловещей этой ночи.

И, распахнувшись, Каска, как ты видишь,

Открыл я грудь свою ударам молний;

Когда ж твердь неба голубой зигзаг

Раскалывал, я выставлял себя

Как цель под ослепительную вспышку.

Каска
Зачем же так ты небо испытуешь?

Удел людской наш — в страхе трепетать,

Когда нам боги в знамениях шлют

Ужасных вестников для устрашенья.

Кассий
Ты, Каска, туп. В тебе нет искры жизни,

Что в каждом римлянине есть, иль ты

Ее не чувствуешь совсем. Ты бледен,

И перепуган, и дивишься в страхе

При виде гнева странного небес;

Но если поразмыслишь над причиной

Того, что духи и огни блуждают,

Что звери неверны своим повадкам,

Что старцев превзошли умом младенцы,

Что все они, внезапно изменив

Своей природе и предначертанью,

Чудовищами стали, — ты поймешь,

Что небо в них вселило этот дух,

Их сделав знаменьем предупрежденья

О бедствии всеобщем.

Тебе могу назвать я человека,

Он, с этой ночью схож,

Гремит огнем, могилы разверзает

И в Капитолии, как лев, рычит.

Не выше он тебя или меня

По личным качествам, но стал зловещ

И страшен, как все эти изверженья.

Каска
На Цезаря ты намекаешь, Кассий?

Кассий
Кто б ни был он. Ведь и сейчас у римлян

Тела и мышцы те же, что у предков.

Но — жалкий век! В нас дух отцов угас,

И нами правит материнский дух,

Ярму мы подчиняемся по-женски.

Каска
Сенаторы вновь завтра соберутся,

Чтоб Цезаря провозгласить царем;

И будет он везде — на суше, в море,

Но не в Италии — носить корону.

Кассий
Я знаю, где носить кинжал я буду:

От рабства Кассий Кассия избавит.

Так, боги, вы даете слабым силу

И учите тиранов побеждать:

Ни камни башен, ни литые стены,

Ни подземелья душные, ни цепи

Не могут силу духа удержать;

Жизнь, если ей тесны затворы мира,

Всегда себя освободить сумеет.

Я это знаю, пусть весь мир узнает,

Что по желанью я могу с себя

Стряхнуть гнет тирании.

Снова гром.

Каска

Как и я!

У каждого раба в руках есть средство

Освободиться от своих оков.

Кассий
Так почему же Цезарь стал тираном?

Несчастный! Разве мог бы стать он волком,

Когда б не знал, что римляне — бараны;

Пред римлянами-ланями он лев.

Кто хочет развести скорей огонь,

Тот жжет солому. Римляне, вы щепки,

Вы мусор, коль годитесь лишь на то,

Чтоб освещать ничтожество такое,

Как Цезарь. Но куда меня, о скорбь,

Ты завлекла? Быть может, я открылся

Рабу угодливому; что ж, готов

К ответу я. Ведь я вооружен,

И все опасности я презираю.

Каска
Ты с Каской говоришь; он не болтун,

Не зубоскал. И вот моя рука:

Сплоти людей, чтоб зло предотвратить,

И ни на шаг тогда я не отстану

От вожака.

Кассий
Союз наш заключен.

Узнай же, Каска, я уже склонил

Немало благородных, честных римлян,

Чтоб разделить со мною предприятье

С опасным и почетным завершеньем.

Они, собравшись, ждут меня сейчас

Под портиком Помпея; в ночь такую

На улицах пустынно и безлюдно,

И даже небо мрачное похоже

На дело, что готовы мы свершить, —

Кроваво так же, огненно и грозно.

Каска
Остерегись, идет поспешно кто-то.

*Входит **Цинна**.*

Кассий
Я по походке Цинну узнаю.

Он друг наш. — Цинна, ты куда спешишь?

Цинна
Ищу тебя. Кто здесь? Метеллий Цимбр?

Кассий
Нет, это Каска. К нам и он примкнул.

Скажи, меня там ожидают, Цинна?

Цинна
Я Каске рад. Но как ужасна ночь!

Из нас кой-кто чудесное увидел.

Кассий
Там ждут меня? Скажи.

Цинна
Да, ждут.

О Кассий, если б мог ты

И доблестного Брута к нам привлечь.

Кассий
Доволен, Цинна, будь: письмо вот это

На преторское кресло положи,

Чтоб Брут его нашел; другое ж брось

К нему в окно; а это, третье, воском

К статуе Брута древнего прилепишь.

У портика Помпея ждем тебя.

Брут Деций и Требоний тоже там?

Цинна
Все, кроме Цимбера; он за тобой

Пошел в твой дом. Я быстро все исполню

И письма все, как ты велел, подброшу.

Кассий
И приходи потом в театр Помпея.

Цинна *уходит.*

Должны с тобой мы, Каска, до рассвета

Увидеть Брута дома: ведь сейчас он

Наш на три четверти и целиком

Наш будет после этой новой встречи.

Каска
Народ глубоко почитает Брута.

То, что казалось бы в нас преступленьем,

Поддержкою своею, как алхимик,

Он в доблесть претворит и в добродетель.

Кассий
Ты верно понял, в чем его значенье

И для чего он нужен нам. Идем,

Ведь за полночь уже, мы до рассвета

Его разбудим, и он будет наш.

Уходят.

Акт II

Сцена 1

Рим. Сад Брута.

Входит ***Брут****.*

Брут
Эй, Луций, встань!

По звездам распознать я не могу,

Далеко ль до утра. Проснись, эй, Луций, пробудись!

О, если б мог я так же крепко спать.

Живее, Луций! Эй, проснись же, Луций!

*Входит **Луций**.*

Луций
Ты звал, мой господин?

Брут
В покой мой принеси светильник, Луций.

Когда зажжешь, то позови меня.

Луций
Все будет сделано, мой господин.

(Уходит.)

Брут
Да, только смерть его: нет у меня

Причины личной возмущаться им,

Лишь благо общее. Он ждет короны;

Каким тогда он станет — вот вопрос.

На яркий свет гадюка выползает,

И осторожней мы тогда ступаем.

Короновать его — ему дать жало,

Чтоб зло по прихоти он причинял.

Величье тягостно, когда в разладе

Власть с состраданьем. Я не замечал,

Чтоб в Цезаре его пристрастья были

Сильнее разума. Но ведь смиренье —

Лишь лестница для юных честолюбий:

Наверх взбираясь, смотрят на нее,

Когда ж на верхнюю ступеньку встанут,

То к лестнице спиною обратятся

И смотрят в облака, презрев ступеньки,

Что вверх их возвели. Вот так и Цезарь.

Предотвратим же это. Пусть причины

Для распри с ним пока еще не видно,

Решим, что, как и все, он, возвеличась,

В такие ж крайности потом впадет.

Пусть будет он для нас яйцом змеиным,

Что вылупит, созрев, такое ж зло.

Убьем его в зародыше.

*Входит **Луций**.*

Луций
Светильник я зажег, мой господин.

Кремень искал я у окна и вот

Нашел письмо с печатью, но его

Там не было, когда я спать пошел.

(Подает письмо.)

Брут
Приляг опять, еще не рассвело.

Не мартовские ль иды завтра, мальчик?

Луций
Не знаю, господин.

Брут
Взгляни же в календарь и мне скажи.

Луций
Сейчас, мой господин.

(Уходит.)

Брут
По небу так сверкают метеоры,

Что я могу читать при свете их.

(Вскрывает письмо и читает.)

"Ты спишь, о Брут: проспись, познай себя.

Иль Рим… Воспрянь, рази, спасай".

«Ты спишь, о Брут: проснись».

Такие подстрекательства мне часто

Подбрасывали, и я их читал.

«Иль Рим…». Как должен это я дополнить?

Иль Рим под игом одного? Как, Рим?

Из Рима предками моими изгнан

Тарквиний был, когда он стал царем.

«Воспрянь, рази, спасай». Меня зовут

Воспрянуть и спасать? О Рим, клянусь,

Что, если будешь ты спасен, спасенье

Получишь ты от Брутовой руки!

*Входит **Луций**.*

Луций
Четырнадцать дней мартовских прошло.

Стук за сценой.

Брут
Так. Отвори ступай; стучится кто-то.

***Луций** уходит.*

Я сна лишился с той поры, как Кассий

О Цезаре мне говорил.

Меж выполненьем замыслов ужасных

И первым побужденьем промежуток

Похож на призрак иль на страшный сон:

Наш разум и все члены тела спорят,

Собравшись на совет, и человек

Похож на маленькое государство,

Где вспыхнуло междоусобье.

*Входит **Луций**.*

Луций
Мой господин, у входа брат твой Кассий,[11]

Тебя он хочет видеть.

Брут
Он один?

Луций
Пришли с ним и другие.

Брут
Ты знаешь их?

Луций
Нет, господин мой: головы склонив,

Они одеждой лица закрывали.

И я не мог черты их разглядеть,

Как ни старался.

Брут
Пусть они войдут.

***Луций** уходит.*

То заговорщики. О заговор,

Стыдишься ты показываться ночью,

Когда привольно злу. Так где же днем

Столь темную пещеру ты отыщешь,

Чтоб скрыть свой страшный лик? Такой и нет.

Уж лучше ты его прикрой улыбкой:

Ведь если ты его не приукрасишь,

То сам Эреб[12] и весь подземный мрак

Не помешают разгадать тебя.

*Входят заговорщики: **Кассий**, **Каска**, **Деций**, **Цинна**, **Метелл Цимбр** и **Требоний**.*

Кассий
К тебе мы вторглись, твой покой нарушив,

Брут, здравствуй. Разбудили мы тебя?

Брут
Я встал уже, и я не спал всю ночь.

Знакомы ль мне пришедшие с тобой?

Кассий
Ты знаешь каждого из них, и каждый

Тебя глубоко чтит, и каждый хочет,

Чтоб о себе ты был того же мненья,

Как лучшие из римлян о тебе.

Требоний здесь.

Брут
Приветствую его.

Кассий
Вот Деций Брут.

Брут
Привет мой и ему.

Кассий
Вот Каска, вот и Цинна, вот и Цимбер.

Брут
Привет им всем!

Что за бессонные заботы встали

Меж вашим сном и ночью?

Кассий
Могу ль тебе сказать?

Брут *и* ***Кассий*** *шепчутся.*

Деций
Вот где восток. Не правда ль, там светает?

Каска
Нет.

Цинна
Не прав ты, кромка облаков сереет,

То первые предвестники рассвета.

Каска

Сознайтесь же, что оба вы ошиблись.

Я покажу мечом, где всходит солнце;

Сейчас, весной, на повороте года,

Оно встает гораздо ближе к югу.

Два месяца пройдет — и луч рассвета

Мы северней увидим. А сегодня

Заря за Капитолием блеснет.

Брут
Все, как один, мне дайте ваши руки.

Кассий
И подтвердим решенье наше клятвой.

Брут
Не надо клятв. Коль нас не побуждают

Вид скорбный граждан, собственная мука,

Зло, что царит кругом, — коль мало вам

Таких причин, — то лучше разойдемся,

Чтобы на ложе праздности возлечь,

И пусть надменно тирания правит,

Готовя смертный жребий нам. Но если

В тех побужденьях пламени довольно,

Чтоб трусы им зажглись и закалился

Дух плавкий женщин, то, сограждане,

Что, кроме дела нашего, нас может

К восстанью побудить? Иль не порукой

Нам скрытность римлян, что сказали слово

И не отступятся? Какая клятва

Нужна, когда мы честно обязались,

Что это будет или мы падем?

Пускай клянутся трусы, и жрецы,

И падаль дряхлая, и те страдальцы,

Что терпят зло. Клянутся в темном деле

Лишь те, кому не верят. Не пятнайте

Высокодоблестного предприятья

И непреклонного закала духа

Предположеньем, что нужны нам клятвы

Для дела нашего. Иль в каждой капле

Той крови благородной, что течет

У римлянина каждого, есть примесь

Нечистая, раз может он нарушить

Хоть в чем-нибудь свое же обещанье.

Кассий
Не стоит ли склонить и Цицерона?

Я думаю, он тоже будет с нами.

Каска
Нельзя нам упускать его.

Цинна
Конечно.

Метелл
Вы правы. Серебро его волос

Нам купит общее расположенье.

Все будут восхвалять нас, говоря,

Что ум его направил наши руки;

И нашу юность, наш порыв мятежный

Он скроет величавостью своей.

Брут
О нет, ему не надо открываться,

Он никогда поддерживать не станет

Того, что начали другие.

Кассий
Верно.

Каска
Он непригоден нам.

Деций
Один ли только Цезарь должен пасть?

Кассий
Ты, Деций, прав. И было бы неверно,

Чтоб Марк Антоний, Цезарев любимец,

Его бы пережил; мы в нем найдем

Врага лукавого; его приемы

Известны нам, уж он-то ухитрится

Нам навредить. Предупредим опасность,

Пусть вместе с Цезарем падет Антоний.

Брут
Не слишком ли кровав наш путь, Кай Кассий, —

Снять голову, потом рубить все члены?

В смертоубийстве гнев, а после злоба.

Антоний — лишь часть Цезарева тела.

Мы против духа Цезаря восстали,

А в духе человеческом нет крови.

О, если б без убийства мы могли

Дух Цезаря сломить! Но нет, увы,

Пасть должен Цезарь. Милые друзья,

Убьем его бесстрашно, но не злобно.

Как жертву для богов его заколем,

Но не изрубим в пищу для собак;

Пусть наши души, как хозяин хитрый,

К убийству подстрекают слуг, а после

Бранят для вида. Идя на это дело,

Должна вести не месть, а справедливость.

Когда так выступим, то все нас примут

За искупителей, не за убийц.

А об Антонии не стоит думать;

Что может сделать Цезаря рука,

Когда он обезглавлен?

Кассий
Опасаюсь

Я все ж его: он Цезарю так предан.

Брут
Не стоит, Кассий, говорить о нем.

Коль Цезаря он любит, пусть умрет

С тоски по нем — вот все, что может сделать.

И то навряд ли: слишком уж он предан

Увеселеньям, сборищам, распутству.

Требоний
Он не опасен нам. Пускай живет.

Он после сам над этим посмеется.

Бьют часы.

Брут
Чу! Бьют часы.

Кассий
Пробило три часа.

Требоний
Пора нам уходить.

Кассий
Но неизвестно,

Решится ли сегодня выйти Цезарь;

Он с некоторых пор стал суеверен,

Оставив мненье прежнее свое

О снах и разных предзнаменованьях.

Узнав об ужасах и чудесах,

О небывалых страхах этой ночи,

Услышав предвещания авгуров,

Он в Капитолий не пойдет, быть может.

Деций
О нет, не бойтесь! Если так решит он,

Отговорю его. Он любит слушать,

Что ловят деревом единорога,[13]

Медведя — зеркалом, слона же — ямой,

Силками — льва, а человека — лестью.

Скажу ему, что лесть он ненавидит —

И он доволен будет этой честью.

Мне предоставьте.

Сумею я его разубедить

И привести из дома в Капитолий.

Кассий
Нет, лучше вместе все придем за ним.

Брут
К восьми часам — и уж никак не позже!

Цинна
Пусть соберутся все без опозданья.

Метелл
Ведь Цезарем обижен Кай Лигарий,

За то что он Помпея восхвалял.

И как никто из вас о нем не вспомнил!

Брут
Поэтому, Метелл, зайди к нему;

Меня он любит, и не без причины.

Пришли его, и с ним я сговорюсь.

Кассий
Восходит утро. Брута мы оставим.

Расстанемся, наш уговор запомнив,

И римлянами выкажем себя.

Брут
Друзья, смотрите весело и бодро,

И пусть наш вид не выдаст тайных целей;

Играйте так, как римские актеры,

И без запинки исполняйте роли.

Итак, желаю доброго вам утра!

***Все**, кроме **Брута**, уходят.*

Как, Луций! Вновь уснул! Что ж, упивайся

Медвяной тягостной росой дремоты;

Не знаешь ты тех призраков, видений,

Которыми забота мозг наш мучит;

Ты спишь так крепко.

*Входит **Порция**.*

Порция
Брут, мой господин!

Брут
Что, Порция? Что ты так рано встала?

Для хрупкого здоровья твоего

Опасна эта утренняя сырость.

Порция
Как и тебе. Ты нелюбезно, Брут,

Мое покинул ложе, а вчера

Вдруг встал от ужина и стал ходить,

Вздыхая и скрестив в раздумье руки.

Когда ж спросила я тебя, в чем дело,

То на меня ты посмотрел сурово,

Потом, рукою проведя по лбу,

В ответ ногой нетерпеливо топнул.

Настаивала я, но ты молчал

И гневным мановением руки

Дал знак мне удалиться; я ушла,

Боясь усилить это недовольство,

Владевшее тобою, и надеясь,

Что просто ты находишься не в духе,

Как иногда случается со всяким.

Но ты не ешь, не говоришь, не спишь,

И если б вид твой так же изменился,

Как изменился нрав твой, то тебя,

Брут, не узнала б я. Мой повелитель,

Открой же мне причину этой скорби.

Брут
Я не совсем здоров, и это все.

Порция
Брут мудр, и если бы он заболел,

То меры принял бы для излеченья.

Брут
Я и лечусь. Спать, Порция, иди.

Порция
Как, болен Брут — и для леченья бродит

Полуодет и впитывает сырость

Туманного рассвета? Болен Брут —

И, крадучись, постель он покидает,

Чтоб подвергаться злой заразе ночи,

Чтобы холодный и нечистый воздух

Болезнь его усилил? Нет, мой Брут;

Недуг опасный твой в душе гнездится,

И я по праву и по положенью

Должна узнать причину; на коленях

Былой красой тебя я заклинаю,

И клятвами твоими, и той клятвой

Великой, что в одно связала нас, —

Открой мне, как себе, как половине

Своей, всю скорбь; скажи, кто те, что

К тебе зашли, шесть или семь их было, —

И даже здесь они скрывали лица.

Брут
Встань, Порция. Встань, нежная моя!

Порция
Я б не склонялась, будь, как встарь, ты нежен.

Скажи мне, Брут: быть может, по закону

Жене запрещено знать тайны мужа?

Быть может, мой супруг, я часть тебя,

Но с тем ограниченьем, что могу

Делить с тобой лишь трапезы и ложе

И изредка болтать? Но неужели

Лишь на окраине твоих утех

Я жить должна?[14] Иль Порция для Брута

Наложницею стала, не женой?

Брут
Я чту тебя как верную супругу,

Такую ж близкую, как капли крови

В моем печальном сердце.

Порция
А если так, то знать хочу я тайну.

Пускай я женщина, но ведь меня

В супруги благородный Брут избрал;

Пускай я женщина, но ведь меня

Все доброй славой чтут как дочь Катона.

С таким супругом и с таким отцом —

Поверь мне, Брут, тверда я, как мужчина.

Откройся мне, и тайну я не выдам;

Иль твердость я свою не доказала,

Когда себе я рану нанесла

Сюда в бедро? Коль это я стерпела,

То тайну мужа я не выдам.

Брут
Боги,

Да буду я такой жены достоин.

Стук за сценой.

Стучат. На время, Порция, уйди.

Доверю вскоре сердцу твоему

Моей души тревогу,

Все думы, и заботы, и сомненья,

Из-за которых я угрюм и хмур.

Уйди скорее.

Порция *уходит.*

Кто стучится, Луций?

Входят ***Луций*** *и* ***Лигарий****.*

Луций
С тобою хочет говорить больной.

Брут
То Кай Лигарий, присланный Метеллом.

Ступай, мой мальчик. — Здравствуй, Кай Лигарий.

Лигарий
Мне трудно говорить, и все же — здравствуй!

Брут
Некстати, храбрый Кай, твоя повязка!

О, если бы ты был сейчас здоров!

Лигарий
Я выздоровлю, если Брут мне скажет,

Что есть для подвига достойный повод.

Брут
Лигарий, есть для подвига предлог.

Да, повод есть — достойный из достойных.

Лигарий
Клянусь богами Рима, я здоров!

Недуги, прочь! О римлянин великий,

Потомок славный доблестного предка!

Ты, словно заклинатель, оживил

Мой омертвелый дух. Скажи; готов я

С любой неодолимой силой биться

И победить. Так что же надо делать?

Брут
Нам нужно возвратить больным здоровье.

Лигарий
Отняв притом здоровье у кого-то?

Брут
Да. Расскажу тебе, в чем дело, Кай,

Дорогою к тому, к кому пойдем,

Чтоб это совершить.

Лигарий
Идем скорей.

Воспламенившись, за тобой пойду —

На что, не знаю сам: с меня довольно,

Что Брут меня ведет.

Брут
За мною следуй.

Уходят.

Сцена 2

Дом Цезаря.

*Гром и молния. Входит **Цезарь** в ночной одежде.*

Цезарь

И небо и земля разверзлись ночью;

Во сне Кальпурния кричала трижды:

«На помощь. Цезаря хотят убить!»

Эй, слуги!

*Входит **слуга**.*

Слуга
Господин мой?

Цезарь
Скажи жрецам, чтоб закололи жертву,

И прорицанья их мне сообщи.

Слуга
Исполню, господин.

(Уходит.)

*Входит **Кальпурния**.*

Кальпурния
Как, Цезарь? Ты уйти из дома хочешь?

Не должен ты сегодня выходить.

Цезарь
Нет, Цезарь выйдет: ведь всегда опасность

Ко мне крадется сзади, но, увидев

Мое лицо, тотчас же исчезает.

Кальпурния
Ты знаешь, Цезарь, я не суеверна,

Но я теперь боюсь. Сказал мне стражник,

Что ужасы такие он видал,

Каких себе представить мы не можем.

На улице вдруг львица окотилась;

Могилы выплюнули мертвецов;

По правилам военного искусства

Меж туч сражались огненные рати,

И кровь бойцов кропила Капитолий,

Был ясно слышен грозный грохот битвы:

Стонали раненые, ржали кони…

По улицам метались привиденья,

Ужасным воем поражая слух.

О Цезарь. Это все необычайно,

И я страшусь.

Цезарь
Как можно избежать

Судьбы, нам предназначенной богами?

Нет, Цезарь выйдет; знамения эти

Даны не только Цезарю, а всем.

Кальпурния
В день смерти нищих не горят кометы,

Лишь смерть царей огнем вещает небо.

Цезарь
Трус умирает много раз до смерти,

А храбрый смерть один лишь раз вкушает!

Из всех чудес всего необъяснимей

Мне кажется людское чувство страха,

Хотя все знают — неизбежна смерть

И в срок придет.

*Входит **слуга**.*

Что говорят авгуры?

Слуга
Советуют, чтоб ты не выходил.

Из жертвы внутренности вынимая,

Они в животном сердца не нашли.

Цезарь
Так посрамить желают боги трусость:

Скотиною без сердца Цезарь был бы,

Когда б из страха дома он остался.

Не будет этого: опасность знает,

Что Цезарь поопаснее ее.

Мы — как два льва, два брата-близнеца.

Из нас двоих я старше и страшней.

Нет, Цезарь выйдет.

Кальпурния
О, увы, в тебе

Самонадеянность убила мудрость.

Не выходи сегодня; пусть мой страх

Тебя удержит дома, а не твой,

Пошлем мы Марк Антония в сенат.

Пусть скажет он, что болен ты сегодня.

Прошу тебя об этом на коленях.

Цезарь
Антоний скажет им: я нездоров;

Чтоб ублажить тебя, останусь дома.

*Входит **Деций**.*

Цезарь
Вот Деций Брут, он передаст им это.

Деций
Приветствую тебя, достойный Цезарь!

Пришел я проводить тебя в сенат.

Цезарь
Ты вовремя пришел, чтоб отнести

Сенаторам приветствие мое,

Сказать, что к ним прийти я не могу.

Ложь — не могу, и вовсе ложь — не смею.

Я не хочу прийти; скажи так, Деций.

Кальпурния
Скажи, он болен.

Цезарь
Цезарь — им солжет?

Затем ли я так далеко в победах

Простер над миром длань, чтоб опасаться

Седобородым правду говорить?

Скажи им, Деций, — Цезарь не придет.

Деций
Великий Цезарь, объяснить им надо,

В чем дело, а не то осмеян буду,

Когда им передам слова.

Цезарь
Во мне причина — не хочу прийти,

И этого довольно для сената.

Но я тебя люблю и потому

Тебе открою все. Меня жена,

Кальпурния, удерживает дома.

Ей снилось, будто статуя моя

Струила, как фонтан, из ста отверстий

Кровь чистую и много знатных римлян

В нее со смехом погружали руки.

Сон кажется ей знаменьем зловещим,

И, на колени встав, она молила,

Чтобы остался я сегодня дома.

Деций
Но этот сон неверно истолкован,

Значение его благоприятно:

Из статуи твоей струилась кровь,

И много римлян в ней омыло руки, —

И это значит, что весь Рим питаем

Твоею кровью и что знать теснится

За знаками отличья и наград.

Вот все, что сон Кальпурнии вещает.

Цезарь
Ты сон ее истолковал отлично.

Деций
Да, если внемлешь ты моим словам.

Узнай же, что сенаторы решили

Корону поднести тебе сегодня.

Узнав, что ты не явишься, они

В решенье поколеблются, и слово

Крылатое из уст в уста пойдет:

"Прервем сенат, пока хороших снов

Супруга Цезарева не увидит".

Коль ты не выйдешь, то шептаться будут:

"А Цезарь испугался! "

Прости меня, о Цезарь, лишь любовь

К твоим делам велит сказать мне правду;

Мой разум подчинен любви.

Цезарь
Нелепы страхи все твои, Кальпурния!

И стыдно мне, что я поддался им. —

Подайте тогу, я иду.

Входит ***Публий***, ***Брут***, ***Лигарий***, ***Метелл***, ***Каска***, ***Требоний*** *и* ***Цинна***.

А вот и Публиций, он пришел за мной.

Публий
С добрым утром, Цезарь.

Цезарь
Здравствуй, Публий. —

Как, Брут, и ты сегодня встал так рано? —

Тебе привет мой, Каска. — Кай Лигарий,

И Цезарь не был так к тебе враждебен,

Как лихорадка, что тебя сгноила. —

Который час?

Брут
Пробило восемь, Цезарь.

Цезарь
Благодарю я всех вас за вниманье.

*Входит **Антоний**.*

Как, и Антоний! Ночь в пирах проводит

И все же встал. Антоний, с добрым утром!

Антоний
Великий Цезарь! С добрым утром!

Цезарь
Пусть приготовят все.

Я виноват, что ждать вас заставляю.

А, Цинна, и Метелл, и ты, Требоний.

С тобою будет разговор особый,

Ко мне сегодня должен ты прийти.

Будь ближе, чтобы о тебе я помнил.

Требоний
Да, Цезарь.

(В сторону.)

И так близко, что друзьям

Твоим захочется, чтоб я был дальше.

Цезарь
Друзья, пойдем со мной вина отведать,

А после вместе выйдем как друзья.

Брут
(в сторону)

Так только кажется тебе, о Цезарь,

И мысль об этом мучит сердце Брута.

Уходят.

Сцена 3

Улица около Капитолия.

Входит ***Артемидор****, читая письмо.*

Артемидор
"Цезарь, остерегайся Брута; опасайся Кассия; держись подальше от Каски; следи за Цинной; не доверяй Требонию; наблюдай за Метеллом Цимбером; Деций Брут тебя не любит; ты оскорбил Кая Лигария. У всех этих людей одно намерение, и оно направлено против Цезаря. Если ты не бессмертен, будь осмотрителен: доверчивость расчищает дорогу для заговора. Да защитят тебя всемогущие боги!

Твой друг Артемидор".

Здесь подожду, пока он не пройдет,

И, как проситель, дам ему письмо.

Душа скорбит о том, что доблесть может

Пасть от зубов завистничества злого.

Прочтешь письмо, о Цезарь, — будешь жить;

А нет — так Судьбы в заговоре с ними.

(Уходит.)

Сцена 4

Другая часть той же улицы, перед домом Брута.

Входят ***Порция*** *и* ***Луций****.*

Порция
Прошу тебя, беги к сенату, мальчик;

И не расспрашивай, скорей иди.

Что ж ты стоишь?

Луций
Не знаю порученья.

Порция
Хотела б я, чтоб ты назад вернулся

Скорей, чем порученье дам тебе.

О твердость, будь со мной и между сердцем

И языком моим воздвигни гору!

Мужчина духом, женщина я силой.

Как трудно женщине не выдать тайну.

Ты здесь еще?

Луций
Что, госпожа, мне делать?

Бежать до Капитолия, вернуться

Сюда назад — и больше ничего?

Порция
Мне сообщи, как выглядит мой муж.

Ведь вышел он больным; и посмотри,

Что Цезарь делает, кто близ него. —

Чу, мальчик. Что за шум?

Луций
Не слышу, госпожа.

Порция
Так слушай лучше.

Я слышу, гул внезапный и мятежный

Из Капитолия доносит ветер.

Луций
Не слышу ничего.

Входит ***прорицатель****.*

Порция
К нам подойди.

Откуда ты?

Прорицатель
Из дому, госпожа.

Порция
Который час?

Прорицатель
Девятый, госпожа.

Порция

Отправился ли Цезарь в Капитолий?

Прорицатель
Нет, госпожа; я здесь стою и жду,

Когда пройдет он мимо в Капитолий.

Порция
Ты хочешь Цезарю подать прошенье?

Прорицатель
Да, госпожа, и, если Цезарь будет

Так милостив к себе, чтобы мне внять,

Я попрошу, чтоб он был добр к себе.

Порция
Узнал ты, что ему грозит опасность?

Прорицатель
Покуда нет еще, но может быть.

Прощайте. Эта улица тесна.

За Цезарем спешащая толпа

Сенаторов, и преторов, и разных

Просителей здесь слабого задавит.

Найду просторней место, чтобы Цезарь

Меня услышал, мимо проходя.

(Уходит.)

Порция
И я должна уйти. Ах, горе мне,

Как слабо сердце женщины. О Брут,

Пусть делу твоему поможет небо.

Ведь мальчик слышал. Есть у Брута просьба,

Но Цезарь ей не внемлет. — Сил нет больше.

Беги с моим поклоном к Бруту, Луций;

Скажи, что весела я, и назад

Мне принеси ответ его скорее.

Уходят в разные стороны.

Акт III

Сцена 1

Рим. Перед Капитолием. Заседание сената.

***Толпа народа**; среди нее **Артемидор** и **прорицатель**.*

Трубы.

*Входят **Цезарь**, **Брут**, **Кассий**, **Каска**, **Деций**, **Метелл**, **Требоний**, **Цинна**, **Антоний**, **Лепид**, **Попилий**, **Публий** и **другие**.*

Цезарь
Настали иды марта.

Прорицатель
Но, Цезарь, не прошли.

Артемидор
Привет, о Цезарь, прочитай письмо.

Деций
Требоний просит, чтоб ты на досуге

Прочел его смиренное прошенье.

Артемидор
Прочти мое сперва, оно тебя

Касается. Прочти, великий Цезарь.

Цезарь
Что нас касается, пойдет последним.

Артемидор
Не медли, Цезарь; прочитай сейчас.

Цезарь
Иль он с ума сошел?

Публий
Эй ты, дорогу!

Кассий
Что подаешь на улице прошенье?

Ступай же в Капитолий.

***Цезарь** идет вверх к сенату, остальные — за ним.*

Попилий
Желаю я успеха вам сегодня.

Кассий
Успеха в чем, Попилий?

Попилий
До свиданья.

(Направляется к Цезарю.)

Брут
А что сказал Попилий Лена?

Кассий
Он пожелал успеха нам сегодня.

Боюсь, что заговор открыт.

Брут
Смотри, он к Цезарю подходит.

Кассий
Не медли, Каска, помешать нам могут.

Что делать, Брут? Коль заговор раскрыт,

Иль Кассий, или Цезарь не вернется,

Я заколю себя.

Брут
Будь тверже, Кассий,

То не о нас Попилий говорит,

Смеется он, и Цезарь так спокоен.

Кассий
Требоний действует: смотри, как он

Антония уводит за собой.

Антоний *и* ***Требоний*** *уходят,* ***Цезарь*** *и* ***сенаторы*** *занимают свои места.*

Деций
Так где ж Метелл? Пускай вперед он выйдет

И Цезарю свою изложит просьбу.

Брут
Он вышел; ближе следуйте за ним.

Цинна
Ты, Каска, первым нанесешь удар.

Каска

Готовы ль все?

Цезарь
Какие непорядки

Должны исправить Цезарь и сенат?

Метелл
Великий и могущественный Цезарь.

Ты видишь, Цимбр перед тобой смиренно

Склоняется.

(Опускается на колени.)

Цезарь
Предупреждаю, Цимбр,

Что пресмыканье и низкопоклонство

Кровь зажигают у людей обычных

И прежнее решенье иль указ

В игрушку превращают. Но не думай,

Что Цезарь малодушен, как они,

Что кровь его расплавить можно,

Чем кровь безумцев, то есть сладкой лестью,

Низкопоклонством и виляньем псиным.

Твой брат изгнанью предан по декрету;

Коль будешь ты молить и унижаться.

Тебя, как пса, я отшвырну с дороги.

Знай, Цезарь справедлив и без причины

Решенья не изменит.

Метелл
Чей голос более, чем мой, достоин,

Чтобы великий Цезарь внял мольбе

О возвращенье брата моего?

Брут
Не льстя, твою целую руку, Цезарь,

Молю тебя о том, чтоб Публий Цимбр

Из ссылки был тобою возвращен.

Цезарь
Как, Брут?

Кассий
Прощенье, Цезарь, милость, Цезарь!

К твоим ногам склоняется и Кассий

С мольбой о том, чтоб Цимбра ты простил.

Цезарь
Будь я как вы, то я поколебался б,

Мольбам я внял бы, если б мог молить.

В решеньях я неколебим, подобно

Звезде Полярной: в постоянстве ей

Нет равной среди звезд в небесной тверди.

Все небо в искрах их неисчислимых;

Пылают все они, и все сверкают,

Но лишь одна из всех их неподвижна;

Так и земля населена людьми,

И все они плоть, кровь и разуменье;

Но в их числе лишь одного я знаю,

Который держится неколебимо,

Незыблемо; и человек тот — я.

Я это выкажу и в малом деле:

Решив, что Цимбр из Рима будет изгнан,

Решенья своего не изменю.

Цинна
Великий Цезарь!

Цезарь
Иль Олимп ты сдвинешь?

Деций
О Цезарь!..

Цезарь
Брут — и тот молил напрасно.

Каска
Тогда пусть руки говорят!

***Каска** первый, затем **остальные заговорщики** и **Марк Брут** поражают **Цезаря**.*

Цезарь
И ты, о Брут![15] Так падай, Цезарь!

(Умирает.)

Цинна
Свобода! Вольность! Пала тирания!

По улицам об этом разгласите.

Кассий
На ростры поднимитесь и кричите:

«Свобода, вольность и освобожденье!»

Брут
Народ, сенаторы, не бойтесь, стойте!

Смотрите: властолюбья долг оплачен!

Каска
Взойди на ростру, Брут.

Деций
И Кассий тоже.

Брут
Где Публий?

Цинна
Он здесь и потрясен восстаньем этим!

Метелл
Смотрите, чтобы Цезаря друзья

Не вздумали…

Брут
Пустая болтовня! — Не бойся, Публий;

Мы ни тебе, ни римлянам другим

Вреда не причиним, — скажи всем это.

Кассий
Оставь нас, Публий; ведь народ нахлынет

И старости твоей не пощадит.

Брут
Уйди; пусть отвечают за деянье

Свершившие его.

Возвращается ***Требоний****.*

Кассий
Антоний где?

Требоний
В свой дом в смятенье скрылся.

Бегут, вопя, мужи и жены, дети,

Как в Судный день.

Брут
Узнаем судьб решенье;

Мы знаем, что умрем, но люди тщатся

Как можно дольше дни свои продлить.

Каска
Тот, кто отнимет двадцать лет у жизни,

Отнимет столько же у страха смерти.

Брут
Раз так, то смерть есть благо. Были мы

Друзьями Цезарю, его избавив

От страха смерти. — Римляне, склонитесь,

Омоем руки Цезаревой кровью[16]

По локоть и, мечи обрызгав ею,

Идемте все немедленно на форум

И, потрясая красное оружье,

Воскликнем все: «Мир, вольность и свобода!»

Кассий
Склонясь, омойтесь. Ведь пройдут века,

И в странах, что еще не существуют,

Актеры будут представлять наш подвиг.

Брут
И снова кровью истечет наш Цезарь,

Лежащий здесь, у статуи Помпея,

Как прах ничтожный.

Кассий
Да, и каждый раз

Нас, совершивших это, назовут

Людьми, освободившими отчизну.

Деций
Пора нам уходить.

Кассий
Да, вместе выйдем;

Брут впереди, а мы за ним; пусть видят,

Что в Риме нет сердец смелей и лучше.

*Входит **слуга**.*

Брут
Кто там идет? Антония посланец.

Слуга
Так, Брут, велел мой господин склониться,

Так Марк Антоний приказал мне — пасть

И, распростершись, так тебе сказать:

Брут благороден, мудр, и храбр, и честен;

Велик был Цезарь царствен, смел и добр.

Скажи, что Брута я люблю и чту,

А Цезаря боялся, чтил, любил.

И если Брут дозволит, чтоб Антоний

Мог невредим к нему прийти узнать,

Чем Цезарь заслужил такую смерть,

То Брут живой ему дороже будет,

Чем мертвый Цезарь, и себя он свяжет

С судьбой и делом доблестного Брута

Среди опасностей и смут грядущих

Как верный друг. Так говорит Антоний.

Брут
Он — римлянин и доблестный и мудрый,

Его всегда я чтил.

Скажи, что если он придет сюда,

То все узнает и, ручаюсь честью,

Уйдет нетронут.

Слуга
Он сейчас придет.

(Уходит.)

Брут
Я думаю, он станет нашим другом.

Кассий
О, если б так. Его я опасаюсь,

И, как всегда, предчувствие мое

Меня в том не обманет.

*Входит **Антоний**.*

Брут
Вот он идет. Привет, о Марк Антоний!

Антоний
Великий Цезарь! Ты лежишь во прахе?

Ужели слава всех побед, триумфов

Здесь уместилась? Так покойся с миром. —

Все ваши замыслы мне неизвестны,

Кому еще хотите кровь пустить;

Коль мне, то самый подходящий час —

Час смерти Цезаря, и нет оружья

Достойнее того, что обагрилось

Чистейшею и лучшей в мире кровью.

Прошу вас, — если вам я неугоден,

Пока дымятся кровью ваши руки,

Меня убейте. И тысячелетье

Прожив, не буду к смерти так готов;

Нет места лучшего, нет лучшей смерти,

Чем пасть близ Цезаря от ваших рук,

От вас, решающих все судьбы века.

Брут
Антоний, смерти не проси у нас.

Мы кажемся кровавы и жестоки —

Как наши руки и деянье наше;

Но ты ведь видишь только наши руки,

Деяние кровавое их видишь,

А не сердца, что полны состраданья.

Лишь состраданье к общим бедам Рима —

Огонь мертвит огонь, а жалость — жалость —

Убило Цезаря. Но для тебя

Мечи у нас притуплены, Антоний,

И наши руки, также как сердца,

В объятия тебя принять готовы

С любовью братской, с дружбой и почетом.

Кассий
В раздаче новых почестей и ты

С другими наравне получишь голос.

Брут
Будь терпелив, пока мы успокоим

Народ, который вне себя от страха.

Тогда мы объясним тебе причины,

За что я, Цезаря всегда любивший,

Его убил.

Антоний
Я знаю вашу мудрость.

Кровавые мне ваши руки дайте;

И первому, Марк Брут, тебе жму руку;

Второму руку жму тебе, Кай Кассий;

Тебе, Брут Деций, и тебе, Метелл;

И Цинне, и тебе, мой храбрый Каска;

Последним ты, но не в любви, Требоний.

Патриции — увы! — что я скажу?

Доверие ко мне так пошатнулось,

Что вправе вы сейчас меня считать

Одним из двух — иль трусом, иль льстецом.

О, истинно тебя любил я, Цезарь!

И если дух твой носится над нами,

То тягостнее смерти для тебя

Увидеть, как Антоний твой мирится

С убийцами, им руки пожимая

Здесь, о великий, над твоим же трупом!

Имей я столько ж глаз, как ты ранений,

Точащих токи слез, как раны — кровь,

И то мне было б легче, чем вступать

С убийцами твоими в соглашенье.

Прости мне, Юлий. Как олень затравлен,[17]

Ты здесь лежишь, охотники ж стоят,

Обагрены твоею алой кровью.

Весь мир был лесом этого оленя,

А он, о мир, был сердцем для тебя.

Да, как олень, сражен толпою знати,

Ты здесь лежишь.

Кассий
Марк Антоний!

Антоний
Прости меня, Кай Кассий. —

О Цезаре так скажут и враги,

В устах же друга то простая скромность.

Кассий
Не порицаю, что его ты хвалишь,

Но с нами как себя ты поведешь?

Скажи, решил ли ты стать нашим другом,

Иль не рассчитывать нам на тебя?

Антоний
Я руки ваши жал, но я отвлекся

От этого, на Цезаря взглянув.

Друзья, я с вами весь и вас люблю,

И я надеюсь, вы мне объясните,

Чем и кому был Цезарь так опасен.

Брут
Иначе б диким зрелищем то было.

Но побужденья наши так высоки,

Что, будь ты сыном Цезаря, Антоний,

Ты внял бы им.

Антоний
Лишь этого хочу.

А сверх того прошу я вас, чтоб тело

Дозволили мне вынести на площадь

И на похоронах его с трибуны,

Как подобает другу, речь держать.

Брут
Да, Марк Антоний.

Кассий
Брут, одно лишь слово.

(Тихо, Бруту.)

Не знаешь сам, что делаешь: нельзя

Нам допускать, чтоб речь держал Антоний;

Как знать, не возбудит ли он народ

Своею речью?

Брут
Ты меня прости.

Сам на трибуну первым я взойду

И разъясню, за что убит был Цезарь;

Скажу, что будет говорить Антоний

С согласья нашего и разрешенья,

Что праху Цезаря мы отдадим

Все почести, какие подобают.

Нам это только пользу принесет.

Кассий
Как знать, что будет. Мне это не любо.

Брут
Итак, возьми прах Цезаря, Антоний.

В надгробной речи нас не порицай.

Но Цезарю воздай хвалу как должно,

Сказав, что это разрешили мы;

А иначе ты будешь отстранен

От похорон; и говорить ты будешь

С трибуны той же самой, что и я,

Когда окончу речь.

Антоний
Быть по сему.

Мне большего не надо.

Брут
Приготовь же

Прах Цезаря и приходи на форум.

***Все**, кроме **Антония**, уходят.*

Антоний
Прости меня, о прах кровоточащий,

Что кроток я и ласков с палачами.

Останки благороднейшего мужа,

Кому в потоке времени нет равных.

О, горе тем, кто эту кровь пролил!

Над ранами твоими я пророчу, —

Рубиновые губы уст немых

Открыв, они через меня вещают —

Проклятье поразит тела людей;

Гражданская война, усобиц ярость

Италию на части раздерут;

И кровь и гибель будут так привычны,

Ужасное таким обычным станет,

Что матери смотреть с улыбкой будут,

Как четвертует их детей война;

И жалость всякую задушит дикость;

Дух Цезаря в погоне за отмщеньем,

С Гекатою из преисподней выйдя,

На всю страну монаршьим криком грянет:

"Пощады нет! " — и спустит псов войны,

Чтоб злодеянье вся земля узнала

По смраду тел, просящих погребенья.

*Входит **слуга**.*

Ты послан от Октавия, не так ли?

Слуга
Да, Марк Антоний.

Антоний
Цезарь писал ему, чтоб в Рим он прибыл.

Слуга
Он получил письмо и скоро будет.

Тебе же устно он передает…

(Увидев тело.)

О Цезарь!

Антоний
Великодушен ты; уйди и плачь.

Скорбь заразительна; мои глаза,

Увидев перлы скорби на твоих,

Слезятся. Где сейчас твой господин?

Слуга
Стал на ночь лагерем, семь миль от Рима.

Антоний
Спеши назад, скажи, что здесь случилось:

Рим в трауре, в опасном возбужденье,

И Рим Октавию небезопасен;

Так передай ему. Нет, подожди.

Мы вместе тело вынесем на площадь,

Там буду речь держать и попытаюсь

Узнать, как отзывается народ

На злодеянье этих кровопийц;

И сообразно этому потом

Октавию доставишь донесенье.

Ну, помогай.

Уходят, унося труп ***Цезаря***.

Сцена 2

Форум.

Входят ***Брут****,* ***Кассий*** *и* ***толпа граждан****.*

Граждане
Хотим мы знать причину! Объясните!

Брут
Друзья, за мной и слушайте меня. —

Ты ж, Кассий, избери другую площадь,

Толпу разделим. —

Кто хочет выслушать меня, останьтесь;

Кто хочет, пусть за Кассием идет;

Мы объясним, зачем для блага всех

Убит был Цезарь.

Первый гражданин
Брута буду слушать.

Второй гражданин
Я Кассия послушаю, а после,

Все выслушав, их доводы сравним.

Кассий *уходит с* ***частью граждан****.* ***Брут*** *всходит на ростру.*

Третий гражданин
Молчанье! Говорит достойный Брут.

Брут
Терпенье до конца. Римляне, сограждане и друзья! Выслушайте, почему я поступил так, и молчите, чтобы вам было слышно; верьте мне ради моей чести и положитесь на мою честь, чтобы поверить; судите меня по своему разуменью и пробудите ваши чувства, чтобы вы могли судить лучше. Если в этом собрании есть хоть один человек, искренне любивший Цезаря, то я говорю ему: любовь Брута к Цезарю была не меньше, чем его. И если этот друг спросит, почему Брут восстал против Цезаря, то вот мой ответ: не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что я любил Рим больше. Что вы предпочли бы: чтоб Цезарь был жив, а вы умерли рабами, или чтобы Цезарь был мертв и вы все жили свободными людьми? Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его. За его любовь — слезы; за его удачи — радость; за его доблести — почет; за его властолюбие — смерть. Кто здесь настолько низок, чтобы желать стать рабом? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько одичал, что не хочет быть римлянином? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить свое отечество? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Я жду ответа.

Все
Такого нет, Брут, нет.

Брут
Значит, я никого не оскорбил. Я поступил с Цезарем так, как вы поступили бы с Брутом. Причина его смерти записана в свитках Капитолия; слава его не умалена в том, в чем он был достоин, и вина его не преуменьшена в том, за что он поплатился смертью.

*Входит **Антоний** и **другие** с телом **Цезаря**.*

Вот его тело, оплакиваемое Марком Антонием, который, хотя и непричастен к его убийству, но выиграет от этого — он будет жить в республике. В таком же выигрыше будет и любой из вас. С этим я ухожу, — и так же, как я поразил моего лучшего друга для блага Рима, так сохраню я этот кинжал для себя, если моей отчизне потребуется моя смерть.

Все
Живи, о Брут! Живи! Живи!

Первый гражданин
С триумфом отнесем его домой.

Второй гражданин
Воздвигнем статую ему, как предкам.[18]

Третий гражданин
Пусть станет Цезарем.

Четвертый гражданин
В нем увенчаем

Все лучшее от Цезаря.

Первый гражданин
Проводим его домой с почетом.

Брут
Сограждане!

Второй гражданин
Брут говорит. Молчанье!

Первый гражданин
Потише, эй!

Брут
Друзья, позвольте, я уйду один,

А вас прошу с Антонием остаться.

Почтенье праху Цезаря воздайте,

А также славе доблестной его,

О них в надгробном слове Марк Антоний

Здесь с разрешенья нашего вам скажет.

Я ухожу, а вы не расходитесь,

Пока Антоний речи не закончит.

(Уходит.)

Первый гражданин
Останемся Антония послушать.

Третий гражданин
Антоний благородный, на трибуну

Ты поднимись. — Послушаем его.

Антоний
Обязан Бруту я за разрешенье

Здесь речь держать.

(Всходит на ростру.)

Четвертый гражданин
Что он сказал о Бруте?

Третий гражданин
Что он обязан Бруту разрешеньем

Здесь перед нами всеми речь держать.

Четвертый гражданин
Пусть говорит почтительней о Бруте.

Первый гражданин
Ведь Цезарь был тиран.

Третий гражданин
В том нет сомненья,

Но, к счастью, от него избавлен Рим.

Второй гражданин
Послушаем Антония. Молчанье!

Антоний
О римляне!

Все
Послушаем его.

Антоний
Друзья, сограждане, внемлите мне.

Не восхвалять я Цезаря пришел,

А хоронить. Ведь зло переживает

Людей, добро же погребают с ними.

Пусть с Цезарем так будет. Честный Брут

Сказал, что Цезарь был властолюбив.

Коль это правда, это тяжкий грех,

За это Цезарь тяжко поплатился.

Здесь с разрешенья Брута и других, —

А Брут ведь благородный человек,

И те, другие, тоже благородны, —

Над прахом Цезаря я речь держу.

Он был мне другом искренним и верным,

Но Брут назвал его властолюбивым,

А Брут весьма достойный человек.

Гнал толпы пленников к нам Цезарь в Рим,

Их выкупом казну обогащал,

Иль это тоже было властолюбьем?

Стон бедняка услыша, Цезарь плакал,

А властолюбье жестче и черствей;

Но Брут назвал его властолюбивым,

А Брут весьма достойный человек.

Вы видели, во время Луперкалий

Я трижды подносил ему корону,

И трижды он отверг — из властолюбья?

Но Брут назвал его властолюбивым,

А Брут весьма достойный человек.

Что Брут сказал, я не опровергаю,

Но то, что знаю, высказать хочу.

Вы все его любили по заслугам,

Так что ж теперь о нем вы не скорбите?

О справедливость! Ты в груди звериной,

Лишились люди разума. Простите;

За Цезарем ушло в могилу сердце.

Позвольте выждать, чтоб оно вернулось.

Первый гражданин
В его словах как будто много правды.

Второй гражданин
Выходит, если только разобраться, —

Зря Цезарь пострадал.

Третий гражданин
А я боюсь,

Его заменит кто-нибудь похуже.

Четвертый гражданин
Вы слышали? Не взял короны Цезарь;

Так, значит, не был он властолюбив.

Первый гражданин
Тогда они поплатятся жестоко.

Второй гражданин
От слез глаза его красны, как угли.

Третий гражданин
Всех благородней в Риме Марк Антоний.

Антоний
Вчера еще единым словом Цезарь

Всем миром двигал: вот он недвижим,

Без почестей, пренебрегаем всеми.

О граждане, когда бы я хотел

Поднять ваш дух к восстанью и отмщенью,

Обидел бы я Кассия и Брута,

А ведь они достойнейшие люди.

Я не обижу их, скорей обижу

Покойного, себя обижу, вас,

Но не таких достойнейших людей.

Вот здесь пергамент с Цезаря печатью,

Найденный у него, — то завещанье.

Когда бы весь народ его услышал, —

Но я читать его не собираюсь, —

То раны Цезаря вы лобызали б,

Платки мочили бы в крови священной,

Просили б волосок его на память

И, умирая, завещали б это

Как драгоценнейшее достоянье

Своим потомкам.

Четвертый гражданин
Прочти нам завещанье, Марк Антоний.

Все
Прочти нам Цезарево завещанье!

Антоний
Друзья, терпенье. Мне нельзя читать.

Нельзя вам знать, как Цезарь вас любил.

Вы — люди, а не дерево, не камни;

Услышав Цезарево завещанье,

Воспламенитесь вы, с ума сойдете;

Не знаете вы о своем наследстве,

А иначе — о, что бы здесь свершилось!

Четвертый гражданин
Мы слушаем. Читай скорей, Антоний,

Прочти нам Цезарево завещанье.

Антоний
Терпенье. Можете вы подождать.

О завещанье я вам проболтался,

Боюсь обидеть тех людей достойных,

Что Цезаря кинжалами сразили.

Четвертый гражданин
Достойных! Нет, предатели они.

Все
Читай нам завещанье!

Второй гражданин
Они злодеи, убийцы. Читай же завещанье!

Антоний
Хотите, чтоб прочел я завещанье?

Над прахом Цезаря все станьте кругом,

Я покажу того, кто завещал.

Могу ль сойти? Вы разрешите мне?

Все
Сходи.

Второй гражданин
Спускайся.

Антоний *сходит с ростры.*

Мы разрешаем.

Четвертый гражданин
Станьте в круг.

Первый гражданин
От тела и носилок отойдите.

Второй гражданин
Место Антонию, благородному Антонию!

Антоний
Так не теснитесь. Расступитесь шире.

Все
Назад! Назад! Раздайтесь!

Антоний
Коль слезы есть у вас, готовьтесь плакать.

Вы эту тогу знаете; я помню,

Как Цезарь в первый раз ее надел:

То было летним вечером, в палатке,

В тот день, когда он нервиев разбил.

Смотрите! След кинжала — это Кассий;

Сюда удар нанес завистник Каска,

А вот сюда любимый Брут разил:

Когда ж извлек он свой кинжал проклятый,

То вслед за ним кровь Цезаря метнулась,

Как будто из дверей, чтоб убедиться —

Не Брут ли так жестоко постучался.

Ведь Брут всегда был Цезарев любимец,

О боги, Цезарь так любил его!

То был удар из всех ударов злейший:

Когда увидел он, что Брут разит,

Неблагодарность больше, чем оружье,

Его сразила; мощный дух смутился,

И вот, лицо свое закрывши тогой,

Перед подножьем статуи Помпея,

Где кровь лилась, великий Цезарь пал.

Сограждане, какое то паденье!

И я и вы, мы все поверглись ниц,

Кровавая ж измена торжествует.

Вы плачете; я вижу, что вы все

Растроганы: то слезы состраданья.

Вы плачете, увидевши раненья

На тоге Цезаря? Сюда взгляните,

Вот Цезарь сам, убийцами сраженный.

Первый гражданин

О скорбный вид!

Второй гражданин
О благородный Цезарь!

Третий гражданин
Злосчастный день!

Четвертый гражданин
Предатели, убийцы!

Первый гражданин
О зрелище кровавое!

Второй гражданин
Мы отомстим!

Все
Месть! Восстанем! Найти их! Сжечь! Убить!

Пусть ни один предатель не спасется.

Антоний
Сограждане, постойте.

Первый гражданин
Молчанье! Марк Антоний говорит.

Второй гражданин
Мы слушаем его, мы пойдем за ним, мы умрем с ним.

Антоний
Друзья мои, я вовсе не хочу,

Чтоб хлынул вдруг мятеж потоком бурным.

Свершившие убийство благородны;

Увы, мне неизвестны побужденья

Их личные, они мудры и честны

И сами все вам могут объяснить.

Я не хочу вас отвратить от них.

Я не оратор, Брут в речах искусней;

Я человек открытый и прямой

И друга чтил; то зная, разрешили

Мне говорить на людях здесь о нем.

Нет у меня заслуг и остроумья,

Ораторских приемов, красноречья,

Чтоб кровь людей зажечь. Я говорю

Здесь прямо то, что вам самим известно:

Вот раны Цезаря — уста немые,

И я прошу их — пусть вместо меня

Они заговорят. Но будь я Брутом,

А Брут Антонием, тогда б Антоний

Воспламенил ваш дух и дал язык

Всем ранам Цезаря, чтоб, их услышав,

И камни Рима, возмутясь, восстали.

Все
Восстанем мы!

Первый гражданин
Сожжем дотла дом Брута!

Третий гражданин
Скорее заговорщиков ловите!

Антоний
Внемлите мне, сограждане, внемлите!

Все
Молчанье, эй! Антоний говорит.

Антоний
Друзья, восстали вы, еще не зная,

Чем Цезарь заслужил любовь такую.

Увы, не знаете; я вам открою;

Забыли вы о завещанье.

Все
Он прав: узнать нам надо завещанье.

Антоний
Вот завещанье с Цезаря печатью.

Он римлянину каждому дает,

На каждого по семьдесят пять драхм.

Второй гражданин
О, благородный Цезарь! Месть за смерть!

Третий гражданин
О, Цезарь царственный!

Антоний
Дослушайте меня!

Все
Молчанье, эй!

Антоний
Он завещал вам все свои сады,

Беседки и плодовые деревья

Вдоль Тибра, вам и всем потомкам вашим

На веки вечные для развлечений,

Чтоб там вы отдыхали и гуляли.

Таков был Цезарь! Где найти другого?

Первый гражданин
Нет, никогда. Скорей, скорей идемте!

Мы прах его сожжем в священном месте

И подожжем предателей дома.

Берите тело.

Второй гражданин
Огня добудьте.

Третий гражданин
Скамьи ломайте.

Четвертый гражданин
Скамьи выламывайте, окна, все!

Граждане *уходят с телом.*

Антоний
Я на ноги тебя поставил, смута!

Иди любым путем.

Входит ***слуга****.*

Ну как дела?

Слуга
Октавий прибыл в Рим, мой господин.

Антоний
Где ж он?

Слуга
С Лепидом вместе в Цезаревом доме.

Антоний
Сейчас отправлюсь я туда к нему.

Он прибыл кстати. Весела Фортуна

И потому ни в чем нам не откажет.

Слуга
Я слышал, он сказал, что Брут и Кассий

Промчались бешено в ворота Рима.

Антоний
Пронюхали, наверно, что народ

Я подстрекнул. К Октавию идем.

Уходят.

Сцена 3

Улица.

*Входит поэт **Цинна**.*

Цинна
Мне снилось, что я с Цезарем пирую.

Предчувствия гнетут воображенье;

Я не хотел из дома выходить,

Но что-то тянет прочь.

*Входят **граждане**.*

Первый гражданин
Как твое имя?

Второй гражданин
Куда идешь?

Третий гражданин

Где ты живешь?

Четвертый гражданин
Женат ты или холост?

Второй гражданин
Отвечай всем прямо.

Первый гражданин
Да, и коротко.

Четвертый гражданин
Да, и толково.

Третий гражданин
Да, и правдиво, это будет лучше для тебя.

Цинна
Как мое имя? Куда я иду? Где я живу? Женат я или холост? Ответить всем прямо, коротко, толково и правдиво. Говоря толково, я холостяк.

Второй гражданин
Это все равно что сказать: все женатые глупцы. Ты мне за это еще ответишь. Отвечай прямо.

Цинна
Прямо — я шел на похороны Цезаря.

Первый гражданин
Как друг или враг?

Цинна
Как друг.

Второй гражданин
Вот это прямой ответ.

Четвертый гражданин
Где живешь, — коротко.

Цинна
Коротко — я живу у Капитолия.

Третий гражданин
Как зовут тебя, — правдиво.

Цинна
Правдиво — меня зовут Цинна.

Первый гражданин
Рвите его на клочки: он заговорщик.

Цинна
Я поэт Цинна! Я поэт Цинна!

Четвертый гражданин
Рвите его за плохие стихи, рвите его за плохие стихи!

Цинна
Я не заговорщик Цинна.

Второй гражданин
Все равно, у него то же имя — Цинна; вырвать это имя из его сердца и разделаться с ним.

Третий гражданин
Рвите его! Рвите его! Живей, головни, эй! Головни. К дому Брута и к дому Кассия. Жгите все. Одни к дому Деция, другие к дому Каски, третьи к дому Лигария. Живей, идем!

Уходят.

Акт IV

Сцена 1

Рим. Комната в доме Антония.[19]

***Антоний**, **Октавий** и **Лепид** сидят за столом.*

Антоний
Погибнут все, отмеченные нами.

Октавий
И брат твой в их числе. Лепид, согласен?

Лепид
Согласен.

Октавий
Так отметь его, Антоний.

Лепид
Но при условии, что жить не будет

И Публий, сын твоей сестры,[20] Антоний.

Антоний
Умрет и он; ему знак смерти ставлю.

В дом Цезаря иди теперь, Лепид,

За завещанием, и мы решим,

Как сократить расходы из наследства.

Лепид
А сами вы где будете? Иль здесь, иль в Капитолии?

Октавий

Здесь или в Капитолии.

Лепид *уходит.*

Антоний
Вот жалкий, недостойный человек.

Ему бы на посылках быть, а он,

Когда мы натрое разделим мир,

Получит третью часть?

Октавий
Считая так,

Ты допустил, чтоб он голосовал.

Когда решалось, кто достоин смерти

И попадет в проскрипционный список.

Антоний
Годами старше я, чем ты, Октавий.

Мы почести возложим на него,

Чтоб с нас самих снять этот груз позорный,

И он пойдет, как с золотом осел,

Потея и кряхтя под тяжкой ношей,

Куда мы поведем или погоним;

Когда ж он нам сокровища доставит,

Мы снимем их, его ж погоним прочь.

Пусть, как осел, он хлопает ушами,

На выгоне пасясь.

Октавий
Так можно сделать,

Но он испытанный и храбрый воин.

Антоний
Как и мой конь, Октавий, и за это

Ему я обеспечиваю корм;

Его я тоже обучил сражаться,

Сворачивать, и мчаться, и стоять,

Его движеньями я управляю.

Примерно так же нужно и Лепида

Учить, и направлять, и понукать.

Безмозглый человек, он ум питает

Отбросами чужими, подражаньем

И старые обноски с плеч чужих

Берет за образец. О нем довольно,

Он лишь орудье. А теперь, Октавий,

Поговорим о главном: Брут и Кассий

Собрали войско, соберем и мы;

Поэтому союз наш закрепим,

Сплотим друзей, приложим все усилья.

Давай немедленно вдвоем обсудим,

Как лучше козни скрытые открыть

И явные опасности рассеять.

Октавий
Согласен я. Ведь мы с тобой в облаве

И в окруженье лающих врагов;

Боюсь, у многих скрыта под улыбкой

Тьма козней злых.

Уходят.

Сцена 2

Перед палаткой Брута в лагере около Сард.

Барабанный бой. Входят ***Брут****,* ***Луцилий*** *и* ***солдаты****;* ***Титиний*** *и* ***Пиндар*** *встречают их.*

Брут
Стой!

Луцилий
Скажи пароль. И стой!

Брут
Ну как, Луцилий! Далеко ли Кассий?

Луцилий
Он близко, и уже явился Пиндар,

Чтоб передать тебе его привет.

Брут
Он шлет привет мне. — Господин твой, Пиндар,

Сам в раздраженье или чрез других

Дал веский повод мне для сожаленья

О сделанном; но, если он прибудет,

Все разъяснится.

Пиндар
Я не сомневаюсь,

Он явится к тебе таким, как был,

Исполнен и вниманья и почтенья.

Брут
Не сомневаюсь в том. — Скажи, Луцилий,

Какой прием оказан был тебе?

Луцилий
С почетом и любезностью, как должно,

Но не с таким доверчивым радушьем

И дружеским свободным обращеньем,

Как раньше то бывало.

Брут
Это значит,

Что пылкий друг остыл; заметь, Луцилий,

Когда любовь пресыщена и тает,

То внешний церемониал ей нужен.

Уверток нет в прямой и честной вере;

А человек пустой, как конь строптивый,

Выказывает стать свою и прыть,

Но, получив удар кровавых шпор,

Вдруг никнет и, не выдержавши пробы,

Как кляча, падает. Ведет он войско?

Луцилий
Заночевать они хотели в Сардах;

Часть большая, вся конница сюда

Прибудет с Кассием.

Топот за сценой.

Брут
Чу! Вот и он.

Идем к нему навстречу.

*Входит **Кассий** с **войском**.*

Кассий
Эй, стой!

Брут
Стой, эй! Отдать приказ!

Первый солдат
Стой!

Второй солдат
Стой!

Третий солдат
Стой!

Кассий
Мой брат, как ты несправедлив ко мне.

Брут
О боги! Я ль несправедлив к врагам?

Могу ль я быть несправедливым к брату?

Кассий
Спокойствие твое зловеще, Брут,

И если только…

Брут
Успокойся, Кассий.

Спокойно скажешь все, тебя я знаю.

Но здесь, перед глазами наших войск,

Не будем ссориться, — им нужно видеть

Лишь знаки нашей дружбы. Отведи их,

Потом в моей палатке все упреки

Мне выскажешь открыто, Кассий.

Кассий
Пиндар,

Скажи начальникам, чтоб отвели

Свои отряды дальше.

Брут
Луцилий, сделай то же. Пусть никто

Не входит к нам во время совещанья.

У входа встанут Луций и Титиний.

Уходят.

Сцена 3

Палатка Брута.

Входят ***Брут*** *и* ***Кассий****.*

Кассий
Ты оскорбил меня тем, что запятнан

И осужден тобою Люций Пелла

За взяточничество и поборы с Сард,

А все мои ходатайства о нем

Отвергнуты, хотя его я знаю.

Брут
Ты оскорбил себя, прося о нем.

Кассий
В такое время, как сейчас, нельзя

Наказывать за мелкие проступки.

Брут
И про тебя ведь, Кассий, говорят,

Что будто бы ты на руку нечист

И недостойных званьем облекаешь

За золото.

Кассий
Я на руку нечист!

Не будь ты Брутом, то, клянусь богами,

Такая речь была б твоей последней.

Брут
А имя Кассия порок прикрыло,

И наказанье головой поникло.

Кассий
Наказанье!

Брут
Припомни март и мартовские иды:

Иль Цезарь пал не ради правосудья?

Иль негодяями он был сражен

Несправедливо? Разве кто из нас,

Сразивших мужа первого на свете

За покровительство разбою, станет

Себя пятнать позорным лихоимством

И продавать величье нашей чести

За хлам ничтожный, липнущий к рукам?

Быть лучше псом и лаять на луну,

Чем быть таким.

Кассий
Брут, не трави меня.

Я не стерплю; ты, позабывшись, хочешь

Меня унизить. Я солдат и старше

Тебя по опыту, умею лучше

Вести переговоры.

Брут
Нет, нет, Кассий.

Кассий
Я прав.

Брут
Нет, ты не прав.

Кассий
Довольно, или из себя я выйду.

Остерегись, не искушай меня.

Брут
Ничтожный, прочь!

Кассий
Возможно ль?

Брут
Выслушай мои слова.

Иль ярости твоей мне уступить?

Иль трепетать пред взглядами безумца?

Кассий
О боги, боги! Как снести мне это?

Брут
И больше вынесешь, сломив гордыню.

Рабам показывай, как вспыльчив ты,

Пускай они дрожат. Мне ль уступать?

Иль должен я почтительно склоняться

Пред вспышками твоими? Нет, клянусь,

Яд желчный свой в себе ты переваришь,

Хотя б тебя взорвал он; я ж отныне

Над гневностью твоей смеяться буду

И потешаться.

Кассий
До того ль дошло?

Брут
Ты говоришь, что как солдат ты лучше.

Так докажи на деле хвастовство,

Доставь мне удовольствие: ведь я

Учиться рад у доблестных людей.

Кассий
Ты всячески меня поносишь, Брут.

Я говорил, что я как воин старше,

Иль я не так сказал?

Брут
Мне все равно.

Кассий
И Цезарь так не оскорблял меня.

Брут
И ты его не смел так раздражать.

Кассий
Не смел?!

Брут
Нет.

Кассий
Не смел так раздражать?!

Брут
Не смел из страха.

Кассий
Не злоупотребляй моей любовью,

Иль то свершу, о чем сам пожалею.

Брут
Ты сделал то, о чем жалеть сам должен.

Мне не страшны твои угрозы, Кассий,

Вооружен я доблестью так крепко.

Что все они, как легкий ветер, мимо

Проносятся. Я посылал к тебе

За золотом и получил отказ.

Я не могу добыть бесчестьем денег;

Скорее стану я чеканить сердце,

Лить в драхмы кровь свою, чем вымогать

Гроши из рук мозолистых крестьян

Бесчестным способом. Ведь я просил

Те деньги на оплату легионам,

И ты мне отказал. Так сделал Кассий?

Иль Каю Кассию я отказал бы?

Когда Марк Брут так скуп и алчен станет,

Чтоб прятать деньги от своих друзей,

Тогда, о боги, молниями всеми

Его сразите!

Кассий
Я не отказал.

Брут
Ты отказал.

Кассий
Нет, и безумен тот,

Кто мой ответ принес. Мне сердце ранил Брут.

Друг переносит недостатки друга,

А Брут преувеличивает их.

Брут
Ты начал их выказывать на мне.

Кассий
Меня не любишь ты.

Брут
Я не люблю твои пороки.

Кассий
Глаз друга должен их не замечать.

Брут
Льстецы не видят даже и пороки

Величиной с Олимп.

Кассий
Придите же, Антоний и Октавий,

И одному лишь Кассию отмстите,

Мир Кассию постыл, он ненавидим

Любимым другом, опорочен братом,

Как раб, поруган. Все его ошибки

Записаны, затвержены на память,

Чтоб в зубы мне швырнуть. О, душу всю

Я б выплакал из глаз! Вот мой кинжал,

Вот грудь моя нагая, и в ней сердце

Богаче золота и руд Плутона[21].

Когда ты римлянин, возьми его;

Я, отказавший в золоте, дам сердце;

Рази меня, как Цезаря. Я знаю,

Что в ненависти ты его любил

Сильней, чем Кассия.

Брут
Вложи кинжал,

Излей свой гнев как хочешь на свободе,

Как хочешь поноси, ты только вспыльчив.

О, Кассий, ты в ярмо впряжен с ягненком,

В нем гнев таится, как в кремне огонь;

Он при ударе высекает искру

И тотчас остывает.

Кассий
Будет Кассий

Посмешищем для Брута своего,

Когда он распалится в раздраженье?

Брут
Я тоже в раздраженье говорил.

Кассий
Ты сознаешься в этом? Дай мне руку.

Брут
И сердце вместе с ней.

Кассий
О Брут.

Брут
В чем дело?

Кассий
Иль нет в тебе любви ко мне настолько,

Чтобы сносить ту вспыльчивость, что мать

Передала мне?

Брут
Да, отныне, Кассий,

Когда вспылишь на Брута, знать он будет,

Что мать твоя бранится с ним, и только.

Поэт
(за сценой)

К военачальникам меня пустите,

У них там ссора, и нельзя одних

Их оставлять.

Луцилий
(за сценой)

Нет, к ним ты не пройдешь.

Поэт
(за сценой)

Лишь смерть меня удержит.

*Входит **поэт** в сопровождении **Луцилия**, **Титиния** и **Луция**.*

Кассий
Что там? В чем дело?

Поэт
Военачальники! Как вам не стыдно?

Любовь и дружба быть меж вас должны,

Поверьте мне — я больше жил, чем вы.

Кассий
Ха-ха! Рифмует циник очень плоско.[22]

Брут
Ступай отсюда прочь. Уйди, бесстыдник.

Кассий
Терпенье, Брут; ведь он всегда таков.

Брут
Терплю я шутовство в другое время.

Война не дело этих стихоплетов. —

Любезный, прочь!

Кассий
Ступай, ступай отсюда!

Поэт *уходит.*

Брут
Луцилий и Титиний, мой приказ

Начальникам — встать лагерем здесь на ночь.

Кассий
Потом вернитесь и с собой Мессалу

К нам приведите.

Луцилий *и* ***Титиний*** *уходят.*

Брут
Луций, дай вина!

Кассий
Не знал я, что так вспыльчив ты бываешь.

Брут
О Кассий, угнетен я тяжкой скорбью.

Кассий
Ты философию свою забыл,[23]

Когда случайным бедам поддаешься.

Брут
Кто тверже в скорби: ведь Порция мертва.

Кассий
Как, Порция?

Брут
Она мертва.

Кассий
Как смерти я избег, тебе переча?

О, тяжкая и скорбная утрата.

Что за болезнь?

Брут
Тоска по мне в разлуке,

Скорбь, что враги, Октавий и Антоний,

Сильнее нас, известья оба эти

Совпали; и в расстройстве чувств она,

Слуг отославши, проглотила пламя.

Кассий
И умерла?

Брут
Да, умерла.

Кассий
О боги!

*Возвращается **Луций** с вином и светильником.*

Брут
О ней ни слова больше. — Дай мне кубок!

В нем утоплю я нашу ссору, Кассий.

(Пьет.)

Кассий
Тост благородный будит в сердце жажду, —

Налей мне, Луций, кубок через край.

Пить без конца готов за дружбу Брута.

(Пьет.)

Брут
Войди, Титиний.

***Луций** уходит.*

*Входят **Титиний** и **Мессала**.*

Мой привет, Мессала.

Тесней вокруг светильника садитесь,

И наши затруднения обсудим.

Кассий
Нет Порции!

Брут
Прошу, о ней ни слова. —

Мессала, получил я извещенье

О том, что Марк Антоний и Октавий

Собрали против нас большое войско

И с ним идут походом на Филиппы.

Мессала
Я получил такое ж сообщенье.

Брут
И что еще?

Мессала
Проскрипцией вне всякого закона

Октавий, и Антоний, и Лепид

Предали смерти сто сенаторов.

Брут
В том наши письма разнятся немного,

Мне пишут о семидесяти павших

Сенаторах, в числе их Цицерон.

Кассий
Как — Цицерон?

Мессала
И Цицерон казнен,

Проскрипция коснулась и его.

Не от жены ль ты письма получил?

Брут
Нет, Мессала.

Мессала

И в письмах ничего о ней не пишут?

Брут
Ничего, Мессала.

Мессала
Это странно.

Брут
К чему вопрос? Иль есть о ней известья?

Мессала
Нет, Брут.

Брут
Как римлянин, скажи мне прямо правду.

Мессала
И ты, как римлянин, снеси всю правду:

Она погибла необычной смертью.

Брут
Прости, о Порция. — Мы все умрем, Мессала.

Лишь мысль о том, что смертна и она,

Дает мне силу пережить утрату.

Мессала
Так переносит горе муж великий.

Кассий
Я на словах все это также знаю,

На деле же осуществить не в силах.

Брут
За дело, за живое. Ваше мненье

О том, чтоб нам самим идти к Филиппам?

Кассий
Я против.

Брут
Почему?

Кассий
Вот почему:

Пусть лучше враг отыскивает нас,

Он утомит войска, растратит средства

И понесет урон, мы ж сохраним

На отдыхе и силы и подвижность.

Брут
Хороший довод лучшему уступит.

Все жители вокруг, вплоть до Филипп,

Нам подчиняются по принужденью,

Раздражены поборами и данью,

И неприятель, проходя средь них,

Свои ряды пополнить может ими,

И станет он смелее, подкрепленный.

Всех этих выгод мы его лишим,

Когда мы встретимся с ним при Филиппах,

Народ в тылу оставив.

Кассий
Слушай, брат мой…

Брут
Постой. Прими в расчет, что от друзей

Все взято нами; наши легионы

Здесь в полном сборе; наш успех созрел,

Враг на подъеме, набирает силы;

А нам с вершины под уклон идти.

В делах людей прилив есть и отлив,

С приливом достигаем мы успеха.

Когда ж отлив наступит, лодка жизни

По отмелям несчастий волочится.

Сейчас еще с приливом мы плывем.

Воспользоваться мы должны теченьем

Иль потеряем груз.

Кассий
Итак, вперед!

Идем и под Филиппами их встретим.

Брут
Подкралась тьма во время разговора,

И мы должны природе подчиниться

И дать себе хотя бы скудный отдых.

Все ль обсудили мы?

Кассий
Все. Доброй ночи.

С рассветом выступаем мы туда.

Брут
Луций!

*Входит **Луций**.*

Одежду дай.

***Луций** уходит.*

Прощай, Мессала. —

Титиний, доброй ночи! — Славный Кассий,

Спокойно спи и отдыхай.

Кассий
Мой брат!

Начало ночи было неспокойно.

Не будет больше между нас разлада!

Не так ли, Брут?

Брут
Теперь все хорошо.

Кассий
Спокойной ночи, Брут.

Брут
Спокойной ночи, брат.

Титиний, Мессала
Спокойной ночи, Брут.

Брут
Прощайте все.

***Кассий**, **Титиний** и **Мессала** уходят.*

*Входит **Луций** с одеждой.*

Одежду дай. А лютня где твоя?

Луций
В палатке здесь.

Брут
Ты говоришь так сонно.

Я не виню тебя: не спал ты долго.

Пусть Клавдий и еще один из стражи

В моей палатке лягут на подушках.

Луций
Варрон и Клавдий!

*Входят **Варрон** и **Клавдий**.*

Варрон
Что, господин?

Брут
Ложитесь спать здесь у меня в палатке,

Быть может, вскоре вас я подниму

И к Кассию с известием отправлю.

Варрон
Так лучше нам не спать и быть на страже.

Брут
Не нужно, лучше спать ложитесь оба.

Быть может, посылать вас не придется, —

Вот книга, Луций. Я ее искал,

Хоть сам же положил в карман одежды.

***Варрон** и **Клавдий** ложатся.*

Луций
Мой господин ее мне не давал.

Брут
Прости меня, мой мальчик, я забывчив.

Не можешь ты пободрствовать немного

И мне на лютне что-нибудь сыграть?

Луций
Коль господин мой хочет.

Брут
Да, мой мальчик,

Тебя я беспокою, ты ж послушен.

Луций
Ведь это долг мой.

Брут
Не требую я долга свыше сил.

Я знаю, юность любит отдохнуть.

Луций
Я спал, мой господин.

Брут
И хорошо, и должен лечь опять.

Сыграй немного. Если жить останусь,

Тебя я отдарю.

Музыка и пение.

Дремотный звук. Не ты ли, сон-убийца,

К нему жезлом свинцовым прикоснулся

И музыку прервал? Спи, нежный отрок,

Не буду я тебя будить, ты дремлешь

И можешь лютню, выронив, разбить.

Возьму ее; спокойной ночи, мальчик.

Взгляну — не перевернута ль страница,

Где я читал? Вот, кажется, она.

Входит ***призрак Цезаря****.*

Как потускнел светильник! Эй, кто там?

Глаза мои устали; оттого

Почудилось им страшное виденье.

Но близится оно… Что ты такое?

Кто ты такой — бог, добрый дух иль демон,

Что леденеет кровь и волос дыбом

Становится? Ответь мне, кто ты?

Призрак
Я твой злой гений, Брут.

Брут
Зачем явился?

Призрак
Сказать, что встретимся мы при Филиппах.

Брут
Тебя увижу вновь?

Призрак
Да, при Филиппах.

Брут
Тебя готов я при Филиппах встретить.

Призрак *уходит.*

Пришел в себя, а он уже исчез,

Злой гений, я с тобой поговорил бы. —

Эй, Луций! Клавдий и Варрон! Проснитесь!

Клавдий!

Луций
Я не настроил струны.

Брут
Он думает, что все еще играет. —

Проснись же, Луций!

Луций
Мой господин?

Брут
Какой ты видел сон, что так кричал?

Луций
Я не заметил, чтобы я кричал.

Брут
Нет, ты кричал. Ты видел что-нибудь?

Луций
Нет, господин.

Брут
Спи, Луций. — Пробудись же, Клавдий.

(Варрону.)

Вставай и ты!

Варрон
Мой господин?

Клавдий
Мой господин?

Брут
Что вы кричали громко так во сне?

Варрон, Клавдий
Кричали мы?

Брут
Да, что вы увидали?

Варрон
Я ничего не видел.

Клавдий
И я тоже.

Брут
Спешите к Кассию с моим посланьем.

Пусть с войском раньше выступит, а мы

За ним последуем.

Варрон, Клавдий
Приказ исполним.

Уходят.

Акт V

Сцена 1

Равнина у Филипп.

Входят ***Октавий***, ***Антоний*** *и их* ***войска***.

Октавий
Сбылись надежды наши, Марк Антоний.

Ты говорил, что враг вниз не сойдет,

А будет на горах вверху держаться.

Совсем не так: вон их войска, вблизи,

Они хотят нас у Филипп настигнуть,

Ударив раньше, чем на них ударят.

Антоний
Я лучше знаю их и понимаю,

Что гонит их сюда. Они бы рады

Уйти в другое место, но спустились

С трусливой храбростью, надеясь этим

Нам выказать свою неустрашимость.

Но это ложь.

*Входит **вестник**.*

Вестник
Готовьтесь, полководцы;

Противник движется в порядке стройном,

И поднял он знамена боевые.

Немедленно мы действовать должны.

Антоний
Октавий, ты веди свои войска,

Не торопясь, налево по равнине.

Октавий
Направо поведу, а ты налево.

Антоний
Зачем перечишь мне в такое время?

Октавий
Я не перечу; просто так хочу.

Движение войск.

*Барабанный бой. Входят **Брут**, **Кассий** и их войска: **Луцилий**, **Титиний**, **Мессала** и **другие**.*

Брут
Они стоят и ждут переговоров.

Кассий
Титиний, стой: мы выйдем говорить.

Октавий
Антоний, дать ли нам сигнал к сраженью?

Антоний
Нет, Цезарь, лучше отразим их натиск.

Пойдем; вожди их говорить хотят.

Октавий
Ни с места до сигнала.

Брут
Начнем с речей, а биться после будем.

Октавий
Но мы речей не любим так, как вы.

Брут
Речь добрая удара злого лучше.

Антоний
Ты злой удар приправил речью доброй.

Не ты ли, Брут, его ударив в сердце,

Кричал: «Да здравствует! Живи, о Цезарь!»

Кассий
Как ты разишь, не знаем мы, Антоний,

Слова ж твои ограбили пчел Гиблы[24],

Ты мед у них похитил.

Антоний
Но не жало.

Брут
Не только мед и жало, но и голос.

Ведь ты жужжанье их украл, Антоний,

И, прежде чем ударить нас, жужжишь.

Антоний
Не так, как вы, злодеи, чьи кинжалы

Сшибались, в тело Цезаря вонзаясь.

По-обезьяньи скалясь, ластясь псами,

Вы рабски Цезарю лобзали ноги,

А Каска, трус, как пес подкравшись сзади,

Ударил в шею Цезаря. Льстецы!

Кассий
Льстецы! Ну, Брут, благодари себя:

Язык его не поносил бы нас,

Когда бы внял ты Кассию.

Октавий
Поближе к делу: спор нас в пот бросает,

А битва выжмет капли покрасней.

Смотрите:

На заговорщиков я вынул меч.

Когда он в ножны вложится опять?

Не раньше, чем отмстятся тридцать три

Все раны Цезаря иль новый Цезарь[25]

Вновь кровью обагрит мечи убийц.

Брут
От рук убийц ты, Цезарь, не падешь,

Коль ты с собой их не привел.

Октавий
Надеюсь.

Я не рожден для Брутова меча.

Брут
О юноша, и отпрыск самый лучший

Почетней этой смерти не найдет.

Кассий
Школяр-драчун не стоит этой чести

В придачу с маскарадником, кутилой.

Антоний
Все тот же Кассий!

Октавий

Прочь пойдем, Антоний!

Убийцы, вызов вам в лицо бросаем:

Осмелитесь, — сегодня ждем вас в поле,

Коль нет — в другой раз наберитесь духа.

***Октавий**, **Антоний** и их **войска** уходят.*

Кассий
Дуй, ветер! Бей, прибой! Плыви, корабль!

Поднялась буря, и всем правит случай.

Брут
Луцилий, на два слова.

Луцилий
(выходя вперед)

Что, начальник?

***Брут** и **Луцилий** разговаривают в стороне.*

Кассий
Мессала!

Мессала
(выходя вперед)

Что прикажешь мне?

Кассий
Мессала,

Сегодня день рожденья моего,

Родился Кассий в этот день. Дай руку

И будь свидетелем, что против воли

Я на одно сраженье, как Помпей,

Поставить должен все свободы наши.

Ты знаешь, я сторонник Эпикура,

Но мнение свое переменил

И склонен верить в предзнаменованья.[26]

Когда от Сард мы шли, на наше знамя

Спустились два орла, как на насест.

Из рук солдат они хватали пищу

И до Филипп сопровождали нас.

Сегодня ж утром вдруг они исчезли,

И вороны и коршуны взамен их

Кружат над нами и на нас глядят

Как на добычу; тени их сгустились,

Как полог роковой, и наше войско

Под ним готово испустить свой дух.

Мессала
Не думай так.

Кассий
Я верю лишь отчасти,

Но дух мой бодр, и я решился твердо

Опасностям всем противостоять!

Брут
Вот так, Луцилий.

Кассий
Благородный Брут,

К нам боги благосклонны; да продлятся

Нам дни до старости средь дружбы мирной!

Но переменчивы дела людские,

И к худшему должны мы быть готовы.

Ведь если мы сраженье проиграем,

То здесь беседуем в последний раз.

Что ты тогда решишься предпринять?

Брут
Согласно философии своей

Катона за его самоубийство

Я порицал; и почему, не знаю,

Считаю я и низким и трусливым

Из страха перед тем, что будет, — жизнь

Свою пресечь. Вооружась терпеньем,

Готов я ждать решенья высших сил,

Вершительниц людских судеб.

Кассий
Так, значит,

Согласен ты, сраженье проиграв,

Идти в триумфе пленником по Риму?

Брут
Нет, Кассий, нет. Ты, римлянин, не думай,

Что Брута поведут в оковах в Рим.

Нет, духом он велик. Но этот день

Окончит начатое в иды марта.

Не знаю, встретимся ли мы опять,

Поэтому простимся навсегда.

Прощай же навсегда, навеки, Кассий!

И если встретимся, то улыбнемся;

А нет, — так мы расстались хорошо.

Кассий
Прощай же навсегда, навеки, Брут!

И если встретимся, то улыбнемся;

А нет, — так мы расстались хорошо.

Брут
Так выступай. О, если б знать заране,

Чем кончится сегодня наша битва!

Но хорошо, что будет день окончен,

Тогда конец узнаем. — Эй, вперед!

Уходят.

Сцена 2

Поле битвы.

*Боевой сигнал. Входят **Брут** и **Мессала**.*

Брут
Скачи, скачи, Мессала, и приказ

К тем легионам отвези скорей.

Громкий боевой сигнал.

Пусть разом нападают; я заметил,

Что дрогнуло Октавия крыло,

Удар внезапный опрокинет их.

Скачи, Мессала: пусть ударят сверху.

Уходят.

Сцена 3

Другая часть поля.

*Боевые сигналы. Входят **Кассий** и **Титиний**.*

Кассий
Смотри, Титиний, как бегут мерзавцы!

И для своих я сделался врагом.

Вот этот знаменосец побежал,

И, труса заколовши, взял я знамя.

Титиний
О Кассий, Брут приказ дал слишком рано.

Октавия он одолеть успел,

Но грабить кинулись его солдаты,

А нас Антоний окружил кольцом.

*Входит **Пиндар**.*

Пиндар
Беги, мой господин, беги скорей!

Ведь Марк Антоний захватил твой лагерь.

Спасайся, Кассий доблестный, спасайся!

Кассий
Но холм от них далек. Взгляни, Титиний,

Не там ли лагерь мой, где видно пламя?

Титиний
Да, там.

Кассий
Титиний, из любви ко мне

Вскочи на моего коня и мчись,

Его пришпорив, до того вон войска

И вновь назад — чтобы я знал наверно,

Враги ли это там или друзья.

Титиний
Вернусь назад я с быстротою мысли.

(Уходит.)

Кассий
Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше,[27]

Я зреньем слаб; следи за ним глазами

И говори о всем, что видно в поле.

Пиндар *всходит на холм.*

Дал жизнь мне этот день и жизнь возьмет.

И там, где начал, должен я окончить.

Круг жизни завершен. Что там ты видишь?

Пиндар
(сверху)

О господин!

Кассий
Какие вести?

Пиндар
Титиний отовсюду окружен.

За ним, пришпорив, всадники несутся;

Он скачет. Вот они его нагнали.

Титиний! Спешились. С коня сошел он.

Он взят.

Крик.

Они от радости кричат.

Кассий
Довольно. Не смотри.

Я трус и дожил до того, что вижу,

Как лучший друг взят на глазах моих!

Пиндар *спускается.*

Ко мне приблизься.

Тебя в плен захватил я у парфян,

И ты тогда, спасенный мной, поклялся

Исполнить все, что прикажу тебе.

Теперь приблизься и исполни клятву.

Свободен будь; и этим вот мечом,

Сразившим Цезаря, убей меня.

Не возражай; держись за рукоять;

Как только я лицо свое закрою,

Убей меня мечом.

Пиндар *закалывает его.*

Отмщен ты, Цезарь,

Мечом тем самым, что тебя сразил.

(Умирает.)

Пиндар
Свободен я; но не такой ценой

Хотел добыть свободу я. О Кассий!

Далеко Пиндар убежит отсюда,

И не услышат римляне о нем.

(Уходит.)

Входят ***Титиний*** *и* ***Мессала****.*

Мессала

В расчете мы, Титиний; ведь Октавий

Разбит войсками доблестного Брута,

Как легионы Кассия Антонием.

Титиний
Известье это Кассия подбодрит.

Мессала
Где ты его оставил?

Титиний
В скорби здесь,

На этом вот холме, с ним Пиндар, раб.

Мессала
Не он ли это на земле лежит?

Титиний
Лежит, как мертвый, он. О, горе мне!

Мессала
То он?

Титиний
Нет, это было им, Мессала,

Нет больше Кассия. Как ты, о солнце,

Кроваво заходящее пред ночью,

День Кассия померк в его крови, —

Угасло солнце Рима! День наш кончен;

Мгла, гибель близки; завершен наш подвиг!

Неверье в мой успех его сгубило.

Мессала
Неверие в успех его сгубило.

Ужасная ошибка, дочь печали,

Зачем морочишь ты воображенье

Несуществующим? Зачавшись быстро,

Не знаешь ты счастливого рожденья

И губишь мать, родившую тебя.

Титиний
Эй, Пиндар! Где ты, Пиндар, отзовись!

Мессала
Ищи его, Титиний. Я ж пойду,

Чтоб доблестного Брута прямо в уши

Сразить известьем этим; да, сразить, —

Пронзающая сталь и копья с ядом

Приятней были б для ушей его,

Чем эта весть.

Титиний
Спеши к нему, Мессала,

Я ж Пиндара покуда поищу.

Мессала *уходит.*

Зачем меня послал ты, храбрый Кассий?

Иль не нашел друзей я? Не они ль

Меня венком победным увенчали,

Чтоб передать тебе? Не слышал ты их кликов?

Увы, ты это все превратно понял.

Прими же на чело свое венок,

Твой Брут дал для тебя его, и я

Исполню порученье. Брут, приди

Взглянуть, как мной увенчан Кассий Кай.

Вот, боги, римлянина долг: найди,

Меч Кассия, и сердце здесь в груди.

(Убивает себя.)

Боевой сигнал. Входит ***Мессала*** *вместе с* ***Брутом***, ***юным Катоном***, ***Стратоном***, ***Луцилием*** *и* ***другими***.

Брут
Где, где, Мессала, прах его лежит?

Мессала
Вон там, и вместе с ним Титиний в скорби.

Брут
Простерт Титиний навзничь.

Катон
Тоже мертв.

Брут
О Юлий Цезарь, ты еще могуч!

И дух твой бродит, обращая наши

Мечи нам прямо в грудь.

Отдаленные боевые сигналы.

Катон
Титиний Храбрый!

Взгляните: мертвый Кассий им увенчан!

Брут
Таких двух римлян больше нет на свете!

Последний из всех римлян, о прости!

Не сможет никогда Рим породить

Подобного тебе. Друзья, я должен

Ему слез больше, чем сейчас плачу.

Сейчас не время, Кассий, нет, не время.

На остров Фазос[28] прах его доставьте:

Не место в лагере для погребенья.

Оно расстроит нас. — Идем, Луцилий,

И ты, Катон; на поле все пойдем. —

Войска ведите, Лабеон и Флавий.

Час третий. Римляне, еще до тьмы

В бою вновь счастье попытаем мы.

Уходят.

Сцена 4

Другая часть поля.

Боевой сигнал. Входят, сражаясь, ***солдаты*** *обеих армий; затем —* ***Брут****,* ***юный Катон****,*

***Луцилий** и **другие**.*

Брут
Вперед, сограждане, не падать духом!

Катон
Меж нас нет выродков! Эй, кто со мной?

Свое я имя оглашаю в поле.

Отец мой Марк Катон, я сын его!

Тиранам враг и друг своей отчизне!

Я сын Катона Марка, эй вы там!

Брут
Я — Брут, Марк Брут! Узнайте же, кто я.

Брут, друг своей страны! Узнайте Брута!

(Уходит сражаясь.)

***Юный Катон**, сраженный, падает.*

Луцилий
О юный доблестный Катон, ты пал?

Ты умираешь храбро, как Титиний,

И доказал, что ты Катона сын.

Первый солдат
Сдавайся иль умри!

Луцилий
Сдаюсь, чтоб умереть.

Довольно ли, чтоб ты меня убил?

(Предлагает деньги.)

Убей же Брута, славься этой смертью.

Первый солдат
Нет, не убьем. Ведь это знатный пленник!

Второй солдат
Антонию скажите: Брут захвачен.

Первый солдат
Сейчас скажу. Вот он сюда идет.

*Входит **Антоний**.*

Брут взят, Брут нами взят, мой господин.

Антоний
Где ж он?

Луцилий
Не здесь, Антоний. Брут вам не отдастся.

Ручаюсь я, что никогда живым

Враг не захватит доблестного Брута.

Ему защитой боги от позора!

Найдете ль вы его живым иль мертвым,

Все ж верен Брут останется себе.

Антоний
Не Брута взяли вы, друзья; но все же

Цена его не меньше. Охраняйте

Его с почетом. Я б хотел иметь

Таких людей друзьями, не врагами.

Узнайте, жив ли Брут или убит,

И обо всем в Октавия палатку

Нам сообщите после.

Уходят.

Сцена 5

Другая часть поля.

Входят ***Брут***, ***Дарданий***, ***Клит***, ***Стратон*** *и* ***Волумний***.

Брут
Остатки жалкие друзей, на отдых!

Клит
Статилий поднял факел,[29] господин мой,

Но не вернулся: в плен взят иль приколот.

Брут
Присядь же, Клит. Приколот, да, сейчас

Прикалывают нас. Послушай, Клит.

(Шепчет ему.)

Клит
О, господин? Нет, ни за что на свете.

Брут
Молчи.

Клит
Нет, я скорей убью себя.

Брут
Дарданий, слушай.

(Шепчет ему.)

Дарданий
Чтоб я это сделал?

Клит
Дарданий!

Дарданий
О Клит!

Клит
О чем ужасном Брут тебя просил?

Дарданий
Убить его. Смотри, он размышляет.

Клит
Переполняет душу Брута скорбь

Так, что она из глаз его струится.

Брут
Волумний добрый, на одно лишь слово…

Волумний
Что хочешь ты сказать?..

Брут
Вот что, Волумний,

Тень Цезаря ко мне являлась дважды

Средь мрака ночи, — в первый раз у Сард

И прошлой ночью в поле у Филипп.

Я знаю, что мой час пришел.

Волумний

Нет, Брут!

Брут
О нет, не ошибаюсь я, Волумний.

Ты видишь, что свершается на свете:

Врагами загнаны мы к ловчей яме.

Звучит боевой сигнал.

И лучше прыгнуть нам в нее самим,

Чем ждать, пока столкнут. Волумний добрый,

Ты помнишь, в школе мы учились вместе.

Прошу тебя во имя старой дружбы,

Держи мой меч — я брошусь на него.

Волумний
Не дружеская то услуга, Брут.

Снова боевой сигнал.

Клит
Беги, мой господин. Нельзя здесь медлить!

Брут
Прощайте все, и ты, и ты, Волумний. —

Стратон, все это время ты дремал.

Прощай и ты, Стратон. — Сограждане,

Я рад сердечно, что ни разу в жизни

Людей мне изменивших не встречал.

Прославлюсь я несчастным этим днем,

И больше, чем Октавий и Антоний,

Достигшие своей победы низкой.

Прощайте все; язык мой досказал

Повествование о жизни Брута.

Перед глазами ночь. Покоя жажду,

Я заслужил его своим трудом.

Боевой сигнал. Крик за сценой: «Бегите! Бегите! Бегите!»

Клит
Беги, мой господин!

Брут
Сейчас! За вами!

***Клит**, **Дарданий** и **Волумний** уходят.*

А ты, Стратон, останься с господином.

Ведь ты как будто человек достойный

И не лишенный искры благородства.

Ты отверни лицо и меч дерзки,

Я брошусь на него. Стратон, согласен?

Стратон
Дай руку мне. Прощай, мой господин.

Брут
Прощай, Стратон. О Цезарь, не скорбя,

Убью себя охотней, чем тебя!

(Бросается на свой меч и умирает.)

*Боевой сигнал. Отступление. Входят **Октавий**, **Антоний**, **Мессала**, **Луцилий** и **войско**.*

Октавий
Кто этот человек?

Мессала
Служитель Брута. Где же Брут, Стратон?

Стратон
Не будет он в плену, как ты, Мессала,

И победитель может сжечь его.

Брут лишь самим собою побежден.

Никто его убийством не прославлен…

Луцилий
Не сдался Брут живым. Спасибо, Брут,

Ты подтвердил Луцилия слова.

Октавий
Беру к себе всех, кто служил у Брута.

Скажи — согласен ли ты мне служить?

Стратон
Да, коль на то Мессала согласится.

Октавий
Мессала, согласись.

Мессала
Как умер Брут, Стратон?

Стратон
Он бросился на меч, что я держал.

Мессала
Октавий, так возьми к себе на службу

Того, кто Бруту до конца служил.

Антоний
Он римлянин был самый благородный

Все заговорщики, кроме него,

Из зависти лишь Цезаря убили,

А он один — из честных побуждений,

Из ревности к общественному благу.

Прекрасна жизнь его, и все стихии

Так в нем соединились, что природа

Могла б сказать: «Он человеком был!»

Октавий
За эту доблесть мы его как должно,

Торжественно и пышно похороним,

Положим прах его в моей палатке,

Все воинские почести отдав.

Войска на отдых! И пойдем скорее

Делить счастливейшего дня трофеи.

Уходят.

[1] *Действующие лица.*

Юлий Цезарь (100-44 гг. до н. э.) был убит 15 марта 44 года. Душой заговора был Кассий, но руководящая роль в нем была предоставлена Марку Юнию Бруту (79-42 гг. до н. э.), отчасти из уважения к памяти его предка Люция Юния Брута, свергнувшего с престола царя Тарквиния

Гордого (509 г. до н. э.), после чего в Риме установился республиканский строй. После того как Марку Антонию удалось своей демагогической речью восстановить римский народ против заговорщиков, Брут удалился в Грецию, а затем проследовал в Малую Азию, где соединился с Кассием. Совместно с Кассием Брут получил от римского сената верховную власть над всеми провинциями Востока. Вскоре, однако, в Риме восторжествовал второй триумвират в составе Октавия, внучатного племянника и наследника Юлия Цезаря (род. в 63 г. до н. э.) Марка Антония (род. в 82 г. до н. э.) и Лепида.

Первые двое выступили против республиканцев с сильным войском. При Филиппах, в Македонии, был сначала разбит Кассий, покончивший с собой после поражения, затем через двадцать дней вынужден был принять бой в той же самой местности Брут, после поражения также умертвивший себя.

Молодой Катон был сыном Катона Младшего, или Утического, и правнуком Катона Старшего Цензора. Порция, жена Брута, была его сестрой.

[2] *Сарды* — столица Лидии в Малой Азии.

[3] Праздник *Луперкалий* — праздник в честь оплодотворяющего божества, фавна Луперка, справлявшийся 15 февраля. По время этого празднества происходил «священный бег» знатных юношей, стегавших ремнем на бегу всех встречных (женщин эти удары будто бы делали плодовитыми). Такой бег Антония упоминается в следующей сцене.

[4] *Остерегись ид мартовских.* — Мартовские иды соответствуют нашему 15 марта.

[5] *...и на обеих я взгляну спокойно.* — Некоторые издатели считают, что слово «обеих» (both) поставлено ошибочно вместо слова «смерть» (death). Тогда бы эту строку надо было читать: «И равнодушно я взгляну на смерть».

[6] *Как славный предок наш Эней из Трои вынес на своих плечах...* — Во второй песне «Энеиды» Вергилия рассказывается, что Эней на плечах вынес своего отца Анхиза из пылающей Трои. Далее в той же поэме описывается основание троянскими беглецами римской державы.

[7] *...возвысясь, как Колосс.* — Намек на Колосса Родосского — огромную статую Аполлона, стоявшую двумя ногами на двух берегах входа в Родосский порт, так что корабли проходили между ног ее.

[8] *В какой же век с великого потопа...* — Это отнюдь не анахронизм Шекспира, так как у древних было свое сказание о потопе, в котором роль Ноя и его жены играли Девкалион и Пирра.

[9] *...что Брут — не ты, а славный предок твой...* — Имеется в виду Брут Старший, свергнувший тиранию царя Тарквиния и учредивший в Риме республику (VI в. до н. э.).

[10] *Когда б я Брутом был, а он был Кассий, ему б я не поддался.* — Неясное место в подлиннике. «Ему» можно отнести и к Цезарю и к Бруту.

[11] *...у входа брат твой Кассий...* — Кассий был женат на Юнии, сестре Брута.

[12] *Эреб* — в античной мифологии подземное царство мрака.

[13] *...что ловят деревом единорога...* — Ловлю легендарного зверя единорога надо себе представлять так: охотник, разъярив единорога, прятался за деревом, и тогда зверь вонзал свой рог в дерево с такой силой, что потом уже не мог его вытащить. Все эти сведения о способах охоты на разных животных Шекспир мог почерпнуть частью из Плиния (о слоне), частью из средневековых легенд (о единороге), частью из рассказов путешественников.

[14] *...лишь на окраине твоих утех я жить должна?* — Обитатели окраин были менее полноправны, чем жители города.

[15] *И ты, о Брут!* («Et tu, Brute!») — Откуда Шекспир взял это латинское восклицание, неизвестно. У Плутарха оно не приводится. Но современники Шекспира, несомненно, знали предание о таких словах Цезаря. Например, в анонимной «Правдивой трагедии о Ричарде III» (изд. в 1594 г.) король Эдуард говорит Кларенсу: «Et tu, Brute, ты тоже хочешь поразить Цезаря?» Некоторые критики думают, что слова эти содержались в латинской пьесе «Убиение Цезаря» и дошли из нее до Шекспира понаслышке.

[16] *...омоем руки Цезаревой кровью...* — Омовение рук в крови убитого — древний обряд, выполнявшийся в тех случаях, когда убийство носило «священный» характер. Плутарх, не упоминая о таком омовении, сообщает только, что заговорщики появились перед народом с окровавленными руками.

[17] *Как олень затравлен...* — В подлиннике — игра созвучием слов «hart» — «олень» и «heart» — «сердце». Благодаря этому стих может получить смысл: «Цезарь был сердцем мира».

[18] *Воздвигнем статую ему, как предкам.* — В Капитолии стояла статуя Люция Юния Брута.

[19] *Рим. Комната в доме Антония.* — Одно из немногих отступлений Шекспира от Плутарха: в его рассказе беседа триумвиров происходит не в Риме, а на одном островке (на Тибре) близ Рима.

[20] *...жить не будет и Публий, сын твоей сестры...* — Ошибка Шекспира: у Плутарха Лепид называет дядю Антония, Люция Цезаря.

[21] *Плутон* — бог богатств.

[22] *Рифмует циник очень плоско.* — Здесь имеется в виду философская школа «циников», проповедовавших первобытную простоту человеческих отношений.

[23] *Ты философию свою забыл...* — Брут — приверженец стоицизма, который учит быть выше невзгод; Кассий — эпикуреец.

[24] *Гибла* — город в Сицилии, славившийся особенно сладким медом.

[25] *...иль новый Цезарь...* — Октавий имеет в виду самого себя.

[26] *...я сторонник Эпикура, но мнение свое переменил и склонен верить в предзнаменованья.* — Эпикур отрицал всякое вмешательство богов в человеческую жизнь, объясняя все ее явления естественными причинами.

[27] *Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше...* — На шекспировской сцене Пиндар поднимался на «верхнюю сцену» (балкон), изображавшую в данном случае холм, и, следовательно, оставался все время видимым для зрителей.

[28] *Фазос* — остров в северной части Эгейского моря.

[29] *Статилий поднял факел…* — Смысл «факела» выясняется только с помощью описания этого эпизода у Плутарха. Статилий должен был, пробившись сквозь ряды неприятелей в свой лагерь, в случае если там все благополучно, поднять в качестве сигнала зажженный факел.

А. Смирнов

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch